

РУССКИЕ ЗВЕЗДЫ

Александр
Громов

ЗАВТРА НАСТУПИТ ВЕЧНОСТЬ ГОД ЛЕММИНГА

Александр Громов

Завтра наступит вечность

«ЭКСМО»

2002

Громов А. Н.

Завтра наступит вечность / А. Н. Громов — «Эксмо», 2002

Вы думаете, на Луну не высаживался никто, кроме нескольких американских астронавтов? Вы полагаете, что МКС – единственная функционирующая на сегодняшний день орбитальная станция? На самом деле могущественная и таинственная Корпорация, тщательно охраняющая свои секреты, уже в наши дни разрабатывает ресурсы иных планет. На вооружении Корпорации – космический лифт и эскадрилья капсул-истребителей, в ее распоряжении орбитальная станция-невидимка и перевалочная база на Луне. Она ведет ожесточенную борьбу с российскими спецслужбами за обладание загадочным внеземным артефактом и совершает дерзкие попытки проникновения в иные миры... В центре событий оказывается техник по прозвищу Вибрион. Кто он – обычный шалопай или тайный агент и диверсант, внедренный в Корпорацию? Выбор пытаются сделать за него. Но окончательный выбор человек может сделать только сам.

© Громов А. Н., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Громов

Завтра наступит вечность

ПРОЛОГ

Краешек Земли показался в левом нижнем углу лобового экрана. Планета была повернута ко мне Индостаном, но сам полуостров прятался в облаках, выставляя на обозрение объектов западного побережья. Над океаном копились новые облачные массы, чтобы, набрав силу, атаковать сушу. Ничего не поделаешь, муссонный сезон.

Прежде я был уверен, что когда-нибудь мне надоест глазеть на Землю со стороны, как рано или поздно надоедает однообразный ландшафт, несмотря на погоду и сезонные изменения. Однако пока не надоело. Когда летишь на высоте полутора тысяч километров, Земля успевает поворачиваться под тобой прежде, чем ты успеешь посетовать на однообразие. А на следующем витке она уже другая – и сама успела немного измениться, и ты ее видишь с другого ракурса. Жаль только, что в моей капсуле нет иллюминаторов – есть экран, и неплохой, но это все равно не то.

Вся пакость в том, что капсула не должна отражать никаких радиоволн в диапазоне от метров до миллиметров. Многослойная склейка иллюминаторного стекла их отражает, хотя и слабо. Тем не менее это отражение на порядок выше допустимого. Трехсантиметровый объектив камеры – вот и все, что конструкторы капсулы могли себе позволить оставить вне поглощающей поверхности. Ну, еще антенны и сопла двигателей. Строго говоря, и этого много. Каждая операция проводится в рамках расчетного риска.

Наружный слой обшивки – специальный пластик. Понятия не имею, из чего его делают, это что-то шибко высокотехнологичное, но наносится он при помощи обыкновенного пульверизатора. Как всякий пластик, он сильно «газит» в вакууме, страдает от бомбардировки космическими молекулами, не говоря уже о пылинках, и быстро стареет, поэтому процедуру напыления приходится повторять чаще, чем нам бы того хотелось. Нудная процедура, но совсем не трудная, ее можно проделывать прямо в ангаре. Куда труднее возобновлять поглощающий слой на обшивке квазистационарной станции «Гриффин», или попросту «Гриф», – тут не обойтись без многочасовой работы в открытом космосе, удовольствие ниже среднего.

Говорят, что «на подходе» какой-то новый поглощающий материал, практически полностью гасящий в себе не только радиоволны, но и инфракрасные лучи. Для наших капсул он бесполезен, а «Гриф» будет покрыт им только с нижней стороны, обращенной к Земле ну и, понятно, к научным спутникам НАСА и Еврокосмоса с их инфракрасными детекторами. Иначе нельзя. Законов термодинамики еще никто не отменял: поглощающий объект должен светиться в тепловом диапазоне как абсолютно черное тело, если его обитатели не хотят испечься по типу пирогов в духовке. Избыток энергии надо куда-то сбрасывать. Ходят слухи, что со временем этим избытком будут подзаряжаться аккумуляторы станции, но когда наступит это время, никому не известно.

– Третий, ты готов? – каркнуло прямо в ухо. Я убавил громкость и взглянул на монитор локатора. Пусто.

– Готов. Но я его не вижу.

– Не торопись. Выход на дистанцию поражения через две минуты. На всю работу у тебя не более семи секунд.

– Бездна времени.

– Удачи.

Мне и делать было нечего – меня наводили на цель. Капсула следовала по инфракрасному лучу той длины волны, которая никогда не достигает земной поверхности, поглощаемая атмосферными молекулами водяного пара. На той же примерно волне осуществлялась связь. Я знал, что пластик на поверхности моей капсулы имеет минимум излучения как раз в «окнах» прозрачности земной атмосферы. С точки зрения земного наблюдателя, пяти тонн металла, пластика и приборов, окружающих мой бесценный организм, попросту не существует в природе.

Разумеется, меня может случайно засечь спутник, сканирующий небо в поисках опасных астероидов, кометных ядер и прочей дряни, что охотнее светит в тепловом диапазоне, нежели в видимом. Но я – быстродвижущийся объект. Скорее всего при обработке данных меня примут за обычный спутник, сбившийся с орбиты. Это никого не удивит. Как это ни кажется странным на первый взгляд, у американцев мониторинг спутников, особенно старых, выработавших ресурс, поставлен из рук вон плохо, официальным параметрам их орбит можно верить только с большой опаской. А лучше не верить совсем.

Цель? Она меня не обнаружит. Ей нечем обнаруживать. Во-первых, спутник противоракетной обороны не лоцирует «вверх», ему это попросту не нужно, а я захожу на цель именно сверху, как филин на зайца. Во-вторых, данный конкретный спутник вообще не действует, он не более чем беспорядочно вращающаяся мертвая железяка, подбитая одним из моих коллег в прошлом месяце. Подбил он ее, к сожалению, неудачно: импульс был недостаточен, расчет показал, что никчемный кусок металла сгорит в атмосфере не раньше, чем через год.

Такое бывало и прежде и поначалу никого особенно не удивляло – видимо, списывалось на случайные столкновения с метеоритами и космическим мусором. Иногда это случается. Можно, однако, примириться с потерей одного спутника глобальной системы ПРО, ну двух, ну от силы трех, однако не позднее четвертого возникает закономерный вопрос: почему? А после двух десятков издохших аппаратов данный вопрос достигает невиданной остроты. Почему гибнут спутники именно этого типа? Главное, почему они с орбиты-то сходят? Одновременный отказ систем телеметрии, передачи информации и ориентации да еще с совершенно диким предсмертным импульсом? Конструктивные дефекты? Не исправленные после многих неудач? Ой, коллеги, тут что-то не то...

Так что этот недобитый спутник я должен был завалить во что бы то ни стало. Он собирався летать слишком долго. Так долго, что не могло не возникнуть соблазна снять его с орбиты и доставить на Землю для изучения.

Думаю, они не исключали, что найдут в спутнике дырку и, возможно, расплюснутую пулю.

Шаттл «Пасифис» стартовал три часа назад. К сожалению, мы поздно разгадали, в чем состоит главный интерес военных астронавтов. Поняли это только тогда, когда они провели корректировку своей орбиты. Мешкать не стоило.

– Цель видишь?

На мониторе появилась отметка от цели. Совсем крошечная. Секунду спустя чуть ниже ее возник столбик цифр.

– Вижу.

– Не напрягайся. У тебя тридцать секунд до выхода на дистанцию.

– Я и не думаю напрягаться.

Я врал. Моя траектория была рассчитана таким образом, что у меня был один-единственный заход. Теоретически вероятность промаха довольно низка... но все же такие случаи бывали. Конечно, повозившись как следует, можно было поймать цель на следующем витке. Вот только на этот раз времени у меня не было – или я вобью мертвую железяку в атмосферу на первом заходе, или свое попорченное изделие подберут хозяева.

Край экрана украсился второй отметкой – от «Пасифиса». Шаттл шел километрах в тридцати позади кувыркающегося спутника и чуть ниже. До их окончательного сближения оставалось менее часа.

До начала стрельбы – двадцать секунд.

Надпись «Цель захвачена» ровно светилась. Я откинул колпачок на рукоятке управления стрельбой и положил палец на кнопку.

Восемнадцать...

Простейший и надежнейший способ уничтожить спутник из космоса – не пуск ракет, не постанова помех, не луч рентгеновского лазера и даже не могучий электромагнитный импульс, нокаутирующий чувствительную аппаратуру, а обыкновенная пулевая стрельба. Большинство наших капсул оснащено четырьмя скорострельными пулеметами, жестко закрепленными вдоль продольной оси. Чтобы прицельно стрелять, приходится маневрировать. Точной центровки никогда не бывает, и, чтобы капсула не начала вращаться от отдачи, система ориентации, управляющая подруливающими движками, жутко сложная и быстродействующая. Все равно конус разброса пуль получается тот еще. Зато расчет упреждения автоматический, и, если все исправно, пилоту остается лишь вовремя нажать на кнопку.

Центровое попадание в цель – это импульс в триста килограммов, направленный наискось, против движения цели и к Земле-матушке. Пуля довольно мягкая, вся кинетическая энергия достается цели. Скорость сближения тоже играет свою роль. Нельзя сказать, что при попадании спутник прямо-таки сносит, – но орбита понижается, и возрастает ее эксцентриситет. Сейчас для того, чтобы парни с «Пасифиса» никоим образом не успели подобрать свое имущество, я должен был всадить в цель не менее четырех пуль.

Пятнадцать секунд...

Остальные пули пройдут мимо и лягут в атмосферу. Когда это происходит на ночной стороне планеты, кое-кто может полюбоваться серией странных метеоров – медленных, но довольно ярких и вдобавок с перемещающимся на глазах радиантом. И действительно, такие сообщения были. Один любитель из Нью-Мексико даже ухитрился заснять спектр метеорапули и не постеснялся отождествить в нем линии свинца и меди, о чем и написал в астрономический журнал. Разумеется, парня подняли на смех, поместив его письмо в разделе «Курьезы».

Двенадцать секунд...

У новых капсул иное вооружение – не пулеметы, а безоткатка с картечными зарядами. Это лучше во всех смыслах. Во-первых, наводка куда точнее. Во-вторых, картечины не свинцовые, а отлиты из сплава, подобного метеоритному железу, так что не только любитель, но и профессионал не найдет в их спектре ничего удивительного. В-третьих, промазавшие картечины влетят в атмосферу веером, что гораздо естественнее, а не серией. Такие метеорные веера образуются при разрушении каменюки размером с кулак на мелкие горошины. В-четвертых, это само по себе забавно: на дворе двадцать первый век, а мы лупим по спутникам картечью, как по кирасирам. А в-пятых, и тут уже нет ничего забавного, из безоткатки в принципе можно стрелять и снарядами – но это так, на всякий случай. Заказов на уничтожение шаттлов и космических станций у нас пока не было и, надо надеяться, не будет.

А если будет, то пусть их выполняет кто-нибудь другой.

Однажды, будучи очень зеленым новичком, я спросил у коллеги, знает ли президент о Корпорации. Как ни странно, я получил откровенный ответ: «И да, и нет. Ему выгоднее не знать и даже не подозревать». По большому счету мы неподконтрольны. Нас терпят и даже подерживают за то, что иногда мы выполняем тот или иной «госзаказ». Чем я в данный момент и занимаюсь, гробя чужие противоракетные спутники, восстанавливая военный паритет и замечая следы «преступления».

Десять секунд...

Никакое это не преступление, просто работа такая.

Полвека назад государство сожрало бы нас с потрохами, переварило и включило в себя в сильно ухудшенном варианте – пожалуй, только для того, чтобы мы разлагались вместе с ним. Тридцать лет назад оно сумело бы сделать то же самое, но уже не столь легко. Двадцать лет назад оно, возможно, уже отступилось бы – но тогда Корпорации еще не существовало. А десять лет назад, когда мы уже существовали, государство как раз обзавелось очень тонкой кишкой и не могло ровным счетом ничего, так что мы остались сами по себе, в каком-то качестве пребываем и поныне.

Мы очень молоды. Любая созданная людьми структура – она как человек, и точно так же она проходит стадии бестолкового детства, бурной молодости, творческой зрелости и так далее, пока не впадет в старческий маразм, в каком-то может застрять надолго, но в конце концов труп все равно закопают. Любопытно, что этот цикл более или менее совпадает со средним сроком человеческой жизни. Хотя это как раз понятно: любая общественная структура управляется людьми. Уходят зачинатели – и отрицательный отбор делает свое дело.

Жить надо долго, но в меру. Не желаю на старости лет увидеть Корпорацию в маразме.

Впрочем, для пилота этот шанс не слишком велик. Чересчур много случайностей. Вот как откажет сейчас маршевый двигатель – долго ли я продержусь на орбите? Полвитка.

Девять...

– Третий, ты в порядке?

– В порядке, не мешайте работать.

Наверное, телеметрия идет ненормальная. На «Грифе» волнуются.

Восемь...

Жаль, нет времени выровнять скорости, подойти к цели вплотную и смести ее с орбиты шквалом свинца в упор. А еще жаль, что у меня пулеметы, а не орудие – вцепил бы один снаряд, и всех делов...

Цель существовала только на мониторе локатора – я не видел ее на обзорном экране. Не так-то просто разглядеть быстро перемещающуюся светлую пылинку на фоне облачного покрова над дневной стороной планеты. Зато я видел шаттл – он полз низко над горизонтом и в косых солнечных лучах сиял, как нарядная елочная игрушка.

Семь...

Пожалуй, в первый раз я ощутил что-то вроде укола совести. Умом я понимал, что делаю работу, от которой моей стране по меньшей мере не станет хуже, и знал, что я обязательно доведу ее до конца. До Штатов мне попросту не было никакого дела, как и до их военно-космической программы, а вот перед теми ребятами, что сидели в «Пасифисе», было немного стыдно. Они гнались за куском железа, не ведая, что сейчас я уведу его у них из-под носа... тайно, как вор. И впервые я подумал, что у меня не такая уж хорошая работа.

Шесть...

Пламени из стволов они не увидят – там надежные пламягасители. Зато вполне могут заметить короткие хаотичные вспышки – работу моих двигателей ориентации. Если бы тем дело и кончилось, вряд ли астронавты стали бы докладывать вниз о каких-то там вспышках. Иной раз в космосе и не то мерещится, болтающаяся возле иллюминатора отшелушившаяся частица краски может быть принята за летающую тарелку. Знаю, видел.

Пять...

Совсем иное дело, если странные вспышки совпадут по времени с внезапным изменением курса мертвого спутника, – в этом случае не доложить нельзя. К каким выводам придут эксперты в Пентагоне, мне неизвестно и меня не касается...

Четыре...

...ясно только, что по-прежнему списывать потери спутников на шальные метеориты они не смогут даже в том случае, если будут иметь горячее желание это сделать. Природа еще не выдумала метеориты, избирательно поражающие спутники определенного назначения.

Три.

А жаль, что не выдумала...

Два.

Я сглотнул. Вдохнул поглубже. Спокойно, теперь очень спокойно...

Один.

...у меня семь секунд, целых семь, это действительно бездна времени...

Ноль.

Я вдавил кнопку в рукоятку. Подержал секунду, отпустил. Терпеть не могу, когда капсула трясется, как припадоочная, да куда ж деваться? Выждал паузу в полсекунды, нажал снова. Очередь – пауза, очередь – пауза. И еще раз, и еще. Можно было лупить и безостановочно, но рассеяние в этом случае чрезмерно увеличивалось. При очередях ремни натягивались – капсулу заметно сносило назад.

Во время второй паузы я заметил попадание – на мониторе под отметкой от цели побежали цифры. Заметил второе, когда цифры поскакали быстрее, и, кажется, третье. Дал еще две очереди и убрал палец с кнопки. Были ли еще попадания – покажет домашний разбор.

Я воровато оглянулся на «Пасифис». Челнок шел как шел, практически не приблизившись. О том, что творилось сейчас на его борту, оставалось гадать. Но свой спутник они почти наверняка потеряли окончательно...

Во всяком случае, свое дело я сделал.

Надо будет попроситься на другую работу. Спутники – красивые игрушки, жалко их ломать. А уж если приходится, надо делать это вовремя, а не под самым носом у хозяев.

Ох, чую, рано или поздно они догадаются втайне навесить на очередной спутник локатор миллиметрового диапазона, сканирующий всю небесную сферу. На малом расстоянии капсулу, подобную моей, обнаружить в принципе можно. Что мы тогда будем делать?

Совершенствовать маскировку и средства нападения, вот что. И не «будем делать», а уже делаем. Постоянно.

В любом случае у всенародного президента беспроегрышная позиция. Какие такие боевые корабли-истребители? Что вы, господа, вам самим-то не смешно? Откуда им взяться? В наше время скрыть незаконный запуск немисливо, а по всем законным запускам имеется исчерпывающая и внушающая доверие информация. Более того, она в основном правдивая. Доказать, что Россия тут ни при чем, большого труда не составит.

А она и вправду ни при чем. «При чем» мы.

Корпорация. Затасканное и не очень симпатичное слово, вдобавок лишь отчасти отражающее суть дела, но мы им обходимся. Избранные. В каком-то смысле – боги, да простят меня верующие. В утешение им скажу, что мы не всемогущи. Да и не бессмертны, как ни жаль.

И, как всякие боги, часто принуждены заниматься рутинной.

Кто сказал, что у богов райская жизнь? Всевозможные райские сады созданы богами, но не для богов.

– Третий, как дела? – Дежурному оператору не терпелось.

– В порядке, – отозвался я.

– Ты попал в него.

– Знаю.

– Сейчас начнем тебя возвращать, потерпи минутку.

Возвращение на станцию по инфракрасному лучу на дистанционном управлении – удобная штука. Капсула пропустит шаттл мимо себя, затем развернется и включит маршевые. Часа через три я сниму пропахший поЕтом полетный костюм, приму душ и пойду на разбор полета. Так и будет... почти наверняка.

Можно было расслабиться, но не получалось. Почти – оно и есть почти. Трудно сохранять невозможное спокойствие, когда знаешь, что падаешь на Землю. Техника, даже самая

надежная и многократно задублированная, может отказать. И дистанционное управление, и ручное. Даже когда в капсуле нахожусь я.

Пять месяцев назад при возвращении с аналогичного задания погиб Толя Фомин. Собственно, никакого возвращения не получилось вообще – отказала двигательная установка. Отбуксировать капсулу было нечем. Толя сгорел над Тихим океаном. Должно быть, островитяне любовались красивым болидом...

Легкий толчок – и краешек Земли исчез с переднего экрана. Затем секунд двадцать поработали маршевые – по субъективным ощущениям, перегрузка была трехкратная. Пока все шло штатно. «Гриф» тянул меня к себе. Я выходил на промежуточную орбиту, чтобы рвануть с нее на высоту тридцати пяти тысяч восьмисот километров.

Я летел домой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЛЮБИМЕЦ ТЕХНИКИ

*Можно очутиться на дне и не достигнуть глубины.
Станислав Ежи Лец*

Глава 1

Вообще-то я не очень любопытен, но когда в первый раз увидел ту дыру за магистральной трубой, то...

Неправильно мыслите, я в нее не полез. И во второй раз не полез, и в третий. Чего я не видал в том подземелье? Мало ли под Москвой нарыто всяких дыр и нор, не отмеченных ни на одной схеме. Вне Садового кольца еще так-сяк, а весь центр города стоит на сыре с дырками. Из самых глубоких ходов и диггеры не всегда возвращаются, а у них с собой и изолирующие противогазы, и гидрокостюмы, и скалолазное снаряжение – словом, оснастка не чета моей. Для слесаря-наладчика из Мосводоканала чрезмерное любопытство – порок. Иди по трассе и не сворачивай. За любопытных начальство ответственности не несет.

Очень редко, но бывает, что кто-нибудь из работяг пропадает без вести, и о том новичков предупреждают сразу. Да еще мы наврем такому новичку с три короба для пущей боязни – целее будет. Мне тоже ввали так, что первый месяц я шарахался от любого бокового лаза, как нервная барышня от мыши. И о внезапных потопах ввали, и о дурной подземной эзотерике, и о полчищах ядовитых членистоногих, и о свирепых крысах размером с кабанчика, а я уши развешивал. Не всему верил, конечно, но думаю: пусть позабавятся, зачем лишать коллег удовольствия, верно?

О комарах – особая песня. Понятно, где сыро и тепло, там и комары. Московский комар мелок и зловреден не вкусом как таковым, а глубоким знанием человеческой психологии. По адресу хитроумных кровопийц матерились все без исключения слесари, но легенда о подземных комарах была сложена всего одна, и та примитивная: мол, все они перезаражены СПИДом. «Не верю!» – справедливо говорил в таких случаях Константин Станиславский. Я был с ним солидарен, но не снимал с ушей макаронные изделия. Игра в протаска мне даже нравилась.

Только когда старый алкоголик дядя Гоша начал вешать мне лапшу насчет аллигаторов в сточных коллекторах да одичавших людей-мутантов, никогда не вылезающих на поверхность, получился перебор, я ответил обидно и едко, и от меня отстали. Логика, господа! Задохнуться под землей можно, это я вам говорю, и заблудиться проще простого, если полезешь куда не следует, и труп не найдут, а больше нет никаких опасностей, не считая почти стопроцентной вероятности со временем спиться, как дядя Гоша. Специфика тупой и грязной работы. Но я-то пока не злоупотреблял и вообще рассматривал эту работу как сугубо временную!

...Дыра была как раз такая, чтобы пролезть, и из нее шел ток воздуха. Надо сказать, это был довольно свежий воздух, немного влажный, правда, но почти не затхлый. Чудеса. Когда привыкнешь дышать подземной прелой дрянью, чуть более чистая струя кажется воздухом из соснового бора. И я...

Нет, лучше уж я расскажу с самого начала. Должны же вы узнать, каким образом при помощи чашки чая люди попадают в боги, когда события цепляются друг за друга, словно зубья шестеренок. Пожалуй, если бы не та злополучная чашка, вовек бы мне не спознаться с

Избранными, жил бы себе и жил, как все. Ходил бы поверху, по асфальту, временами наступая на чугунные крышки люков, и знать не знал, что у меня под ногами. Да и не интересовался бы.

Чашка как чашка. Фарфоровая, в цветочек. Сiju это я с утра в своем закутке, никого не трогаю, паяю схему. И как на грех: нет бы тому пожарнику, как всегда, мимо пройти – сунул-таки он нос за стеллажи, а там я. И из чашки вьется парок приятный – только что отменно заварил.

– Та-ак, – говорит со значением. В лаборатории сразу тихо стало. – Нагревательными приборами пользуемся?

В ответ я молча демонстрирую ему дымящийся паяльник – вот, мол, мой нагревательный прибор, он же орудие труда, и отвали, не мешай техническому прогрессу. Не тут-то было: пожарник явно имел в виду мой чай и сделал на него стойку, как сеттер.

– Ну и что? – говорю тогда, не отрываясь от схемы. – Разрешение на электроплитку у нас имеется. Для технологических целей.

Другой бы отстал, а этот – нет. Настырный. Видно, похмелиться срочно надо, а для этой задачи, по его мнению, лучше технического спирта ничего не придумано. Я бы этому вымогателю налил, хоть и жалко – спирт для дела нужен, – так ведь он, гад, вместо благодарности с дерьмом меня смешает, чтобы показать, кто тут главный человек. Полип, прилипала злобная. Посему делаю морду кирпичом и продолжаю ковыряться в схеме.

– Та-а-ак, – сипит он с большой и светлой радостью в сипе, ощупав холодную электроплитку. – Правил противопожарной безопасности не знаем? А ну, сей момент давай сюда кипя-тильник, составлю акт.

Ага, разбежался.

– Какой кипя-тильник? – изумляюсь я, оглядываясь по сторонам. – Где вы видите кипя-тильник?

– А это что? – тычет он в кружку.

– Чай, – констатирую я. – Черный, байховый. Зеленого не употребляю, он мочегонный. А вы что подумали? Пиво?

– Так, – гонит он в азарте. – А чем воду кипятил?

– Взглядом, – отвечаю я так серьезно, что за стеллажами кто-то начинает сдавленно хихикать. – Хотите научу? Кстати, попрошу не тыкать. Не люблю.

Тут-то он и озверел. С похмелья это запросто. Шасть мимо меня – и ну выдвигать ящики стола, будто я такой глупый, что держу там незаконный кипя-тильник. Ничего он там найти не мог, но я и этого не стерпел. Сыскарь какой. Хамить мне не следует. В общем, положил я паяльник на подставку, неторопливо встал, взял пожарного ревнителя за штаны и воротник, ну и... Ох, и верещал же он, когда я тащил его через всю лабораторию и в коридор выкидывал! А через двадцать минут я уже стоял перед начальником отдела.

– Ну что, доигрался, Святополк Окаянный? – говорит он мне, и вижу – расстроен. – Не мог по-хорошему? Да ты не стой, сядь, объясни толком.

Хоть и злой я был в тот момент, а начальнику тыканье на вид не поставил. Он у нас хороший мужик, хоть и сильно верующий, отчего не может называть меня Святом, как другие, а «Святополк Всеволодович» еще не всякий выговорит. Посему я для него либо просто Святополк, либо Святополк Окаянный – смотря по обстоятельствам.

– Нельзя по-хорошему с хамами, – отвечаю. – На шею сядут.

– Давно сели и ножки свесили, – говорит. – А ты, скажешь, у меня на шее не сидишь?

Я молчу.

– Нет, техник ты классный, – продолжает он нехотя. – К электронике у тебя талант редкий, не спорю. Такие люди нам во как нужны! Отсрочка от армии у тебя здесь есть? Есть. Давал я тебе заработать при любой возможности? Давал, а?

– Было дело, – признаюсь.

– Ты когда диплом получишь – через два года? Так слушай: через год ты уже сидел бы у меня на инженерной должности, а через два стал бы ведущим, но это так, сам понимаешь, для разбега. Ну сам посуди, кому сейчас охота двигать отечественную технику? Так что конкурентов у такого самородка, как ты, было бы немного, это я тебе говорю. Таких людей сейчас вверх толкать надо, иначе они уйдут в эти, как их... риелторы или еще куда похуже. Я бы тебе отдельную лабораторию выбил, клянусь! А лет в тридцать ты бы уже сидел на моем месте, если я вверх пойду, или стал бы начальником какого другого отдела. Тут уже возможности, сам понимать должен, совсем другие. И это было бы только начало! А ты что натворил, злодей? Хмыря пожарного за дверь выкинул? Ну и зачем?

– У нас на двери висит список тех, кому можно к нам входить, – говорю я тогда уже из чистого упрямства. – Что-то никаких хмырей пожарных я в нем не видел.

– Дурак! Этот гад уже телегу директору накатал – на тебя и на меня заодно. Ты что делаешь, Окаянный? В прошлом году медведку зачем-то на клумбе поймал и в обед выводил гулять на ниточке, как раз на директора напоролся. Это я стерпел... Кстати, что ты потом с той медведкой сделал?

– Надоела. Тупая. Посадил в керосин.

– И что? – спрашивает с любопытством.

– Жила три дня.

– Ладно. Энтомолог в тебе проснулся, так и занимался бы энтомологией потихоньку. Но ведь ты же у нас еще и цветной металлург! В том же году нашел где-то свинцовый кабель, грязный весь, девяносто кило весом, и что ты сделал с ним, Святополк? Сдать по-законному попытался! Три месяца на это убил, надоел всем! Уж лучше бы ты тот кабель через забор переправил – и в пункт приема цветмета! Поймали бы – ну и хрен с тобой, а мне бы легче дышалось. Отдел-то зачем подставлять? Других дел у тебя не было?

– Да так, – пожимаю я плечами, – интересно стало: примут – не примут?

– Принять-то приняли, когда ты всех достал, а потом что? Отделу на нынешний год план: сдать сто пятьдесят кило свинца, а где я его возьму? Поди докажи, что у нас свинец только в припое. До сих пор эта бодяга тянется...

– Какой еще план в наше время? Бред...

– Ты на время не кивай. Мы не выполним – нас взгреют. А в этом году ты что учудил? Ну заполз на территорию пьяный бич, ну проспал ночь под кустом, сам объяснить не способен, как колючку и сигнализацию преодолел, и до сих пор никто этого понять не может, а тебе что за дело было, Окаянный? ВОХРа проморгала, так с нею без тебя разберутся кому надо. Зачем было говорить ему, что знаешь, мол, где можно поправиться, и дорогу к приемной директора показывать? Бич прямо в приемную и вперся, дебош там учинил... Что молчишь? Скучно тебе? Весело жить хочешь? И это я только крупные твои хохмы перечислил, а сколько мелких было?

Молчу и не знаю, что ответить. О чем он? Какие такие мелкие хохмы? Да разве это хохмы вообще? Это жизнь! Суровые будни!

Но о том, что скоро мне предстоят будни более суровые, уже догадываюсь.

– Значит, так, Святополк Окаянный, – кривится начальник отдела и ладонью по столу пристукивает – dixi, значит. – Отмазать тебя на сей раз я не смогу. Извини. Если не после медведки, то после пьяного бича директор тебя хорошо запомнил. Короче говоря, иди и пиши заявление по собственному желанию, если не хочешь быть уволенным по статье. Кошмар! Крепкий всмятку! Только-только для отдела большой заказ выбил, с кровью, можно сказать, выцарапал, толковые люди нужны позарез – а этот герой пожарниками швыряется! Будь добр, уйди с глаз, видеть тебя не могу...

Я и ушел. Писать заявление. Через месяц уже «Не плачь, девчонка» орал, направляясь строем в столовку и из столовки. В строю был почти что один я, потому что служить мне выпало в такой части, где на тридцать офицеров приходился один рядовой.

Когда в скором времени выяснилось, что я секу в технике побольше иных офицеров и почти всегда заставляю ее работать, что я люблю технику, а техника любит меня, мне велели заткнуться, в смысле, строевых песен с выпученными глазами не орать, перестали посылать на хозработы и донимать караульной службой, а вместо всего этого приставили к делу. Как называлось это дело и какую функцию оно выполняло, не скажу – военная тайна, но чинить и налаживать его приходилось постоянно.

Заманивали в контрактники меня так, как не всякая рыба-удильщик мальков заманивает. Полгода лишних прослужил – ох, и не хотели меня отпускать! Ну, после армии я, понятно, восстановился на учебе, только перевелся из вечерников в заочники, и стал искать работу. Как раз мать вышла на пенсию, деньги не помешали бы. А тут возьми и подвернись Эвелина Гавриловна, мамина знакомая – слесари-наладчики ей нужны. День работаешь, два твои, работа грязная, но зарплата сносная. Мама в восторг не пришла, а я подумал и согласился, пока не найду чего получше. Вот так обычная чашка чая может спустить человека под землю, чтобы оттуда швырнуть к звездам... Но об этом чуть позже.

...И я полез в дыру. Как раз в том месте в разрыв толстенной – мне по грудь – магистральной трубы был кое-как вварен кусок диаметром миллиметров восемьсот. Если бы не эта вставка-худышка, я бы в дыру вообще не пролез, да и не заметил бы ее, наверное. Обычное дело: латали тят-ляп, лишь бы скорее. Весь центр города снабжается водой по таким трубам, что только диву даешься, как эта ржавая гниль еще держится. Латка на латке. На нашем участке хоть можно в любой момент вварить заплату для профилактики, а по соседству до трубы вообще не добраться без помощи экскаватора.

Скучное место. Какие там крысы-мутанты! Сюда не проникали и бездомные кошки – возле холодной трубы не погреешься, не теплоцентрально как-никак. К тому же они, похоже, инстинктивно старались держаться подальше от мест, где не фиг делать утонуть, когда трубу все-таки порвет.

Но пока все держалось. Я прошел свой участок трассы, констатировал отсутствие крупных протечек (мелкие просачивания и «слезы» на швах не в счет), времени до конца смены было навалом. Появись я сейчас в диспетчерской – Эвелина выругает меня за то, что натащил грязи, и непременно найдет мне дело на другом участке. Появись я сейчас в раздевалке – меня и там найдут. На фиг надо.

Фонарик у меня был налобный, на обруче. Сам купил; штатные фонари мне не нравятся, потому что руку занимают. Пролез я в промежуток между стеной и трубой (обе холодные и влажные, стервы), посветил в дыру и пополз на карачках.

Конечно, любопытство тоже играло свою роль, однако не оно одно. Вспоминались байки о старых кладах и чуть ли не о библиотеке Иоанна Грозного. Положим, умом я понимал, что вероятность найти под землей что-либо ценнее дохлой крысы немногим выше, чем выиграть главный приз в чеченское «Русское лото», но кто мне мог запретить надеяться? Обвала я не боялся: стены узкого, квадратного в сечении лаза были сложены из старого, на вид очень прочного кирпича, сверху лаз перекрывался бетонными плитами. Должно быть, во время оЕно здесь проходил отвод от магистрали, потом его убрали, а засыпать лаз не стали – кому он мешает?

Здесь было почти не сыро, но довольно тесно. Спина то и дело терлась о шершавый потолок. Хорош я буду, когда покажусь дома с исцарапанной спиной. Мама спросит: «Кто она?» – а я буду напрасно клясться, что в последнее время не связывался ни с какой страстной особой противоположного пола...

Вообще говоря, если уж мечтаешь разбогатеть на дармовщинку, думал я, протискиваясь все дальше, – надо работать не здесь, а на станции аэрации. Противно, слов нет, зато на решетках там кое-что застревает. В канализационные стоки тоже не одна гм... органика попадает – иной раз и ювелирные украшения в унитазах тонут. Тут, главное, не зевай. Даром, что ли, при любом прорыве канализации со всей Москвы мигом, как на Клондайк, слетаются золотари-золотоискатели, уже обутые в специальные бахилы. Деньги не пахнут – мудр и прямодушен был император Веспасиан. Да и не брезглив.

Жаль, что он мне не родственник. Нет у меня генетической предрасположенности к... Вот именно, к органике.

Метров через пятнадцать лаз повернул вправо под прямым углом, затем влево. Нора кончилась, выведя в какой-то другой лаз, перпендикулярно. Этот лаз был еще у€же первого, зато потолок здесь оказался чуть повыше. Я вздохнул с облегчением. Затем огляделся в попытках понять, куда меня занесло, и присвистнул.

Этот лаз был куда древнее. Никакого бетона, только кирпич – совсем уже древний, выкрошенный, выглоданный подземными миазмами. Ребрами доисторического животного торчали более стойкие швы окаменевшего раствора – кажется, даже не цементного, а известкового, времен венчания на царство царя Гороха. Наверху был свод, выложенный из грубо пригнанных блоков известняка. Здесь тоже приходилось двигаться на четвереньках, зато спина уже не терлась о камень.

То, по чему я полз на карачках, оказалось толстым слоем мельчайшей спрессованной пыли. При моем движении она поднималась в воздух, вызывая щекотку в носу. Пчхи! Пф... Я не сразу сообразил, что это был просто ил, древний окаменевший ил от протекавшего здесь когда-то ручья. Ничего себе... А если где-нибудь что-нибудь прорвется и утопит меня, как цуника?..

Развить как следует эту мысль я не успел – уткнулся в преграду. В давно забытые времена кто-то заложил лаз кирпичом, чтобы по нему не ползали ненормальные слесари. Развернуться тут ухитрился бы разве что гуттаперчевый мальчик, так что мне с моим средним ростом и отсутствием гимнастических навыков пришлось пятиться в пыльную темноту тылом вперед. Если бы под землей в самом деле водились гигантские крысы и аллигаторы, у них не было бы лучшего момента вцепиться мне в зад.

Достигнув выходной горловины первого лаза, я ненадолго задумался. Задача для развития мышления у первоклассников: помощи разъехаться поездам на узловой станции. Если возвращаться к магистрали, то надо проползти еще чуть-чуть назад, чтобы попасть в горловину головой вперед, а если попытаться исследовать древний ход в противоположном направлении, то надо, напротив, воткнуться в первый лаз задом и совершить полуоборот.

Логика говорила за то, что надо возвращаться. Когда боязно, логика всегда на своем посту – высказывает, как чертик из табакерки, и принимается отговаривать. Правда, логика иного порядка говорила мне совсем другое: до конца смены еще ого-го сколько, не может быть, чтобы меня оставили в покое, наверняка припрягут устранять какую-нибудь неисправность, а то и аварию на чужом участке. Виноват я, что ли, в том, что у меня ни разу не было аварий, а у других только успевай латать? Я для Эвелины не то палочка-выручалочка, не то мальчик для битья: как только где ЧП, готово – Свят, на выход! С инструментом. Не кто-нибудь, а именно Свят.

Я чихнул, развернулся и пополз по древнему лазу в неисследованную сторону. Черт знает, что это был за ход, когда и кем он был прокопан и для чего предназначался. Вряд ли специально для иссякшего ныне ручья, натащившего сюда столько ила, что приходится ползать на карачках. Вода-то, наверное, прорвалась сюда потом... Похоже, здесь когда-то можно было ходить на двух конечностях, пусть и согнувшись. Очень может быть, что ход этот служил тайным государственным интересам, оберегая кого надо от бунтов и пожаров, – а то и попросту

связывал два монастыря, мужской и женский. Как в песне поется: «А в это время женщины копали...».

Копали они, между прочим, криво, наобум, без толкового проекта, утвержденного технической комиссией. Лаз давал странные коленца то вправо, то влево, иногда плавные, а иногда под резким углом. Временами он шел вверх, и слой окаменевшего ила на полу утончался, превращая лаз в настоящий ход, но чаще делал нырки вниз, тогда мне приходилось ползти уже не на карачках, а на брюхе, поднимая тучи мелкой пыли, чихая и кашляя. Кое-где субстрат был испещрен следами мелких лап, попадался и крысиный помет. Трижды или четырежды вбок отходили какие-то темные подозрительные норы, еще теснее и непригляднее моей. Никогда не стану диггером, думал я, глотая пыль. Вот доползу до места, где можно развернуться, – и назад...

Я успел устать, а лаз ни в какую не хотел ни кончаться, ни делаться шире. От момента, когда я впервые взглянул на часы, прошло уже минут двадцать. Стало быть, я находился под землей (прогулка по трассе не в счет) уже минимум вдвое дольше и прополз не меньше километра. Тогда я решил, что хватит. Еще пятьдесят метров вперед, и если не смогу развернуться – все равно ползу назад. Умаюсь, но выползу.

И в этот момент начал гаснуть мой фонарик.

Для начала мне стало жарко и больше всего на свете захотелось очутиться на свежем воздухе. Затем я изругал себя лопухом, лохом и как-то еще, уже не помню. Исследователь! Полез черт знает куда без свежей батарейки! Назад, сей минут назад!..

Само собой, фонарик я выключил. Он и не слишком нужен, когда пятишься по-рачьи, используя пятки и филей как инструменты осязания. Полз и ругал себя, полз и ругал. Дышалось трудно. Ползлось тоже, прямо скажем, не очень легко, особенно на подъемах. Вы пробовали ползти в гору задом наперед? По осыпающемуся грунту? Попробуйте – хорошее упражнение для развития терпения и упорства.

Кромешная темень тоже не добавляла бодрости. Когда не повернуться и вдобавок глаз коли, воображение нарисует поблизости и аллигатора, и удава-констриктора. Понятно, что я проталкивал себя по лазу со всей возможной скоростью, а когда по моей руке резво пробежало что-то небольшое, щекотнув длинным голым хвостом, вскрикнул, вспотел и удвоил усилия.

Сколько времени я полз, не знаю. Мне показалось – вечность. На часы я не смотрел – берег издыхающую батарейку. Першило в горле, скрипело на зубах. Ничего, думал я. Доползу. И больше никогда, ни под каким видом, ни в какую нору...

Когда мои колени внезапно провалились в неизвестный колодец, я удержался от падения только потому, что каким-то чудом успел заклинить себя в лазе. Подтянулся, отполз. Сердце бешено колотилось. Нашупал в кармане монету, бросил назад – и содрогнулся, услышав секунд через десять слабый плеск. Откуда здесь колодец? Почему? Не выдержав, включил фонарик и с досады чуть не завыл.

Это был не тот лаз. Наверное, пятась впотьмах, я случайно свернул в одну из боковых нор и неизвестно, как далеко уполз. Едва я успел сделать это открытие, как свет фонарика, и без того скудный, совсем померк. Я немедленно щелкнул выключателем. Хотелось со всей прытью рвануть на карачках вперед, быстрее, еще быстрее, вон отсюда! На воздух!

Я этого не сделал. Говорю об этом с гордостью, хотя, если подумать, гордиться мне особенно нечем, клаустрофобией я никогда не страдал и не собираюсь. Сохранив самообладание, я понемногу восстановил нормальное сердцебиение и способность соображать. Значит, так... Во-первых, я еще не влип. Да, я сделал глупость, но вряд ли она уже фатальна. Во-вторых, я, к сожалению, не знаю, в какую боковую нору умудрился свернуть – правую или левую? Первое действие очевидно: поползу вперед, ощупывая стены. Если найду одиночную полость справа или слева – игнорирую ее и ползу дальше. Если обнаруживаю пустое пространство справа и слева одновременно – это и будет нужный мне лаз, останется только понять, в какую сторону

по нему двигаться. При свете это нетрудно, а батарейки бывают разные: одна издыхает сразу и навсегда – другая же, «отдохнув», еще может заставить лампочку светиться секунду-другую, пусть и тускленько...

Ну почему я некурящий?! Почему я такой идиот, что и в армии не начал дымить? Имел бы при себе зажигалку, светил бы сколько влезет...

Досада была острая, но неконструктивная, и я ее пресек. Пополз. Радовало то, что я опять ползу головой вперед, а не тылом. Одиночные полости и вправду встречались – и как это я не отследил их прежде? В какой-то момент стало легче дышать, и я пополз бодрее. Навстречу мне шел ток воздуха, не особенно свежего, но после жуткой пылищи он казался мне дуновением морского бриза.

Соображай я в тот момент чуть лучше, я бы понял, что опять свернул не туда. Ну откуда, откуда на верном пути мог взяться воздух без пыли? Опомнился я только тогда, когда налетел на решетку. Приехали.

Бритва Оккама, господа! Не вводи новых сущностей без необходимости. Я и не вводил их, то есть принимал нору за нору, а не за лабиринт. А зря.

Я изо всей силы ударил кулаком по ржавому пруту. Прутья были толстые, таким бы стоять не в подземных норах, а в окнах тюремных камер. Я мог просунуть между ними руку, но не туловище.

Мое спасение откладывалось. Помню, я подумал о том, что не имею представления о том, под какой частью центра Москвы нахожусь и что там наверху. Наверху могло быть что угодно. Внизу, подо мной, тоже. А по сторонам был лабиринт тесных нор с одним-единственным выходом, который еще предстояло найти. Ощупью. О том, что результат поиска заранее неизвестен, я изо всех сил старался не думать, но не получалось.

И в этот момент за решеткой забрезжил свет.

Был он слабым, шел из-за поворота, но мне показался ярче солнечного дня. Свет! Люди!

– Эй! – заорал я не своим голосом, не веря такому счастью. – Эй, кто там есть? Ау! Помогите выбраться!

Загуляло эхо. Сейчас же кто-то испуганно охнул в ответ. Мне показалось, что это была женщина. И еще мне показалось, что заскребли по полу отодвигаемые в спешке стулья, один даже упал. Кто-то ругнулся грубым голосом. И только потом мне в ответ гаркнули:

– Кто такой?

– Слесарь. Выньте меня отсюда!

– Как ты сюда попал?

– Заблудился, – крикнул я, чувствуя себя полным идиотом. – С кем я говорю? Кто-нибудь может мне помочь?

Кажется, там совещались. Шепотом. Затем оттуда грянуло:

– Поможем. Оставайся на месте.

Ждать пришлось довольно долго. Насчет собственной безопасности я успокоился (как вскоре выяснилось – напрасно), зато начал терять терпение. Человек так устроен, что ему нужно всего помногу и сразу. Наконец до меня донесся лязг, и я понял, что с той стороны снимают не то дверцу, не то раму с металлической сеткой. Отблеск света на стенке лаза на минуту стал ярче, затем почти потух. Зато я услышал шорох и сопение – кто-то большой лез ко мне с той стороны, и лез натужно, с трудом протаскивая свое немалое туловище сквозь узкую нору. Один раз шепотом заматерился – очевидно, на повороте. Опять сопение и шуршание. Вспыхнула спичка, осветив толстые пальцы и плотную рышку.

– Отползи.

– Зачем?

– Ну, не отползай, если обжечься хочешь.

Никогда не видел таких газосварочных аппаратов, как у него. Вещь была размером с паяльник радиомонтажника, два крохотных баллончика крепились прямо к ней, детская игрушка с виду – а как резала сталь! На каждый прут уходило не более пяти секунд. Фейерверк брызжущих искр – и готово.

– Ползи сюда, ползун.

Я не заставил повторять. Он полз передо мною, и ему приходилось хуже: во-первых, у него была не та комплекция, а во-вторых, он-то пятился задом наперед и лишь с третьей попытки преодолел поворот. Затем стало хуже мне: нора вывела в небольшое освещенное помещение под самым потолком, так что мой спаситель без особого труда слез по стремянке, – мне же непременно пришлось бы упражняться в акробатике, спускаясь вниз головой, если бы чьи-то руки не помогли мне, буквально выдернув меня из норы.

Выдернуть-то выдернули, а дальше что?

Первая мысль была такая: слишком много света. Я щурился и плохо видел. Но и того, что я все-таки разглядел ослепленными после потемок глазами, хватило мне, чтобы изумиться.

Стол, кресла, кожаный диван, пара шкафов из хорошего дерева, люстра Чижевского под потолком. Два компьютера. Ковровый пол. Первое впечатление – офис какого-нибудь малого и, пожалуй, не очень процветающего предприятия. Но почему под землей?! Аренда дешевле?

Людей в комнате было четверо, включая того мордатого, что помог мне выбраться. Я сумел только понять, что трое из них мужчины и что они мне не рады. Четвертой была худая женщина средних лет, и я хорошо ее знал.

– Здравствуйте, – не придумал я сказать ничего умнее.

– Как ты залез сюда? – очень сухо поинтересовалась моя шефиня Эвелина Гавриловна. Надо же, а я думал, что она сейчас находится в диспетчерской.

– Сам не пойму, – ответил я, моргая и расплываясь в не очень-то умной улыбке. Сам собой, я был счастлив, что спасся, но не мог не признать свое положение идиотским.

– На схеме показать сумеешь?

– Не уверен. Долго полз, норы тут всякие...

– Тогда не будем и пробовать. Где проник?

– А?..

– Я спрашиваю: где проник в лаз?

– На своем участке. Там дыра. Дай, думаю, гляну. Вообще-то я не собирался, я так... Хорошо, что хоть сюда выполз...

– Ничего в этом нет хорошего ни для тебя, ни для нас.

Глаза у моей шефини были круглые, маленькие, между ними нос клювом. Не женщина, а птица-секретарь. Почему-то она смотрела не на меня, а на что-то за моей спиной. Или на кого-то. Я отчетливо почувствовал, как позади меня сгущается некий враждебный вихрь, хотел оглянуться, но не успел. В затылок ударило; длинная, с зеленоватым отливом молния полыхнула у меня перед глазами. Мир стремительно накренился, совершая оверкиль через правый борт, и перестал существовать.

Глава 2

Открывать глаза не хотелось. И это еще мягко сказано: по правде говоря, я боялся этого до оцепенения. Казалось, стоит мне поднять веки, как мой пульсирующий мозг ринется вон из черепной коробки, где ему так больно и плохо, и мои глазные яблоки пробками стрельнут в потолок. Удивительно неприятное ощущение.

Я не отследил момент, когда начал приходить в сознание. По-моему, оно возвращалось ко мне постепенно, точно робкий посетитель, который подолгу мнетя возле незапертой двери, тихонько царапает ее, боясь постучать, наконец решается сунуть нос и тут же отскакивает назад, пугаясь своей смелости, покрываясь по€том и хватаясь за сердце. Это было ново. Никогда не думал, что мое сознание поведет себя подобно неврастенику.

Утешил я себя простым рассуждением о том, что после удара по голове еще и не то бывает. Иные от этого и коньки отбрасывают, а я жив... Э, а жив ли?.. Я попытался пошевелить кончиками пальцев и был награжден такой вспышкой головной боли, что, кажется, вновь отключился. На несколько секунд? минут? часов?

Какая разница! Вопрос промелькнул и сгинул. Он не был первоочередным и знал свое место.

Жив. Это главное. Мучаюсь – значит, жив.

Я не религиозен и версию о муках ада отринул сразу. Хотя, по логике, в аду должны были присутствовать не только физические муки, но и нравственные, – именно то, что я сейчас чувствовал. Ощущение несправедливости – вот что било сильнее всего. За что меня ударили по затылку? Кто эти люди? Что плохого я им сделал? Почему с ними Эвелина? Почему подружка моей матери не сделала ни малейшей попытки вступить за меня?

Вскоре я перестал задавать себе эти вопросы. И вы бы перестали, если бы каждый вопрос был подобен раскаленному гвоздю, свирепо вонзающемуся в затылок. Всякий человек по-своему немного мазохист, но лишь немногие не знают удержу в этом увлечении. Я не из них.

Где-то бубнили недовольными голосами – слова рассыпались в труху, и поначалу я не только ничего не понимал, но и не старался понять, хотелось только, чтобы перестали бубнить. Тишины мне и покоя! Казалось, голоса то удалялись почти за грань слышимости, то ужасно гремели над самым ухом.

Какое-то время я терпел. Потом стиснул зубы и, сам ужасаясь отчаянному своему поступку, медленно раскрыл глаза.

Как ни странно, стало легче. Окружающие меня предметы покружились немного и стали на свои места. Я обнаружил, что нахожусь в той же комнате, лежу в грязной своей спечовке на кожаном диване, в затылке у меня по-прежнему пульсирует, а запястья схвачены браслетами наручников. За столом сидела прежняя компания: Эвелина и трое мужчин. Плотного я рассмотрел еще в норе, и теперь воспользовался случаем запомнить двух других – долговязого лошадинолицего хмыря и шуплого коротышку. Голову лошадинолицего покрывали седые патлы. Коротышка, напротив, был лыс, если не считать прицепленной к макушке единственной куцей пряди, похожей на сухой хвостик арбуза.

Кто-то из них ударил меня, это я знал твердо. Но кто и почему – сказать не мог.

Все четверо курили. Дым вытягивало в отдушину под потолком – ту самую, через которую я сюда попал.

– Ожил, – констатировал долговязый хмырь.

– Да, – согласился плотный, покосившись на меня. – А какая разница?

– То есть ты за первый вариант? – спросил коротышка.

– Естественно.

– Я по-прежнему возражаю, – не согласилась Эвелина.

– С какой стати? – делано удивился долговязый. – Уж кому бы возражать, но только не вам, Эвелина Гавриловна. Думаете убедить нас в чрезвычайной полезности этого субъекта и тем самым смягчить свою вину за сегодняшний прокол? Напрасно.

На нас, слесарей, Эвелина орала по всякому поводу, нимало не задумываясь. У того, кто начальствует над российскими работягами, ор должен управляться рефлексам, как выделение слюны у павловских собачек. Но сейчас моя начальница выдержала великолепную паузу и, насколько я мог судить при моем головокружении, ничуть не изменилась в лице.

– За свой прокол я отвечу, Глеб Родионович. Не сомневайтесь, отвечу, но только не перед вами. Занимайтесь лучше своим делом, а за этого субъекта, как вы выразились, я ручаюсь. Мое слово, мой риск. Напомните мне: часто ли я за кого-нибудь ручалась?

– По-моему, первый раз, – подал голос коротышка.

– По-моему, тоже. И прошу иметь в виду: в случае несогласия со мной я буду добиваться положительного решения у руководства.

– Право отсрочивающего вето, – пророкотал плотный. – Ну-ну. Тогда уж и вы мне напомните, пожалуйста: чем закончилось дело в четырех... нет, даже в пяти последних случаях?

– Я это хорошо помню, Вадим Вадимович, – холодно отозвалась Эвелина, – как и то, что среди них был один ваш протеже. В тот раз я выступила против, и мое мнение совпало с мнением руководства...

– Полагаете, совпадет и теперь? – побагровев, перебил плотный.

– Надеюсь.

Несколько секунд они только сопели и ерзали в креслах, буравя друг друга неприязненными взглядами. Наконец долговязый пробормотал себе под нос несколько неразборчивых слов, из которых я уловил только «личные мотивы» и ничего больше.

– Да, у меня есть личные мотивы! – с раздражением ответила Эвелина. – Я сама хотела его приобщить, то есть не теперь, конечно, а со временем. В силу его особых качеств он может быть полезен нашему делу, это и есть мои личные мотивы. Или вы намекаете на что-то другое?

– Как можно? – пробурчал долговязый. – Ни на что я не намекаю. Просто мне все это сильно не нравится...

– Можно подумать, мне нравится! Но факт есть факт: он находится здесь, и мы должны решить, что с ним делать. Я предлагаю третий вариант. В конце концов, у каждого правила есть исключения.

– Подождите, подождите, – заторопился коротышка. – Насколько я понимаю, мы уже голосуем? Не рано ли? Прежде всего я хотел бы узнать, что это за особые качества, на которые вы, Эвелина Гавриловна, намекаете. Пока что я вижу либо дурня, заблудившегося там, где нормальные люди не ходят, либо провокатора. Он грязен, напуган и лично мне неприятен. Не осветите ли вопрос об особых качествах более подробно?

– Не освещу, – отрезала Эвелина. – Закрытая информация.

– Какой же тогда толк в нашем голосовании? Притом нет кворума...

– Можно и без кворума, если за первый вариант больше одного голоса, – сказал долговязый.

– Можно, – подтвердил плотный.

Я попробовал пошевелить скованными руками и не лишился сознания – только в затылке сильнее забухал копер. Затем я попытался повернуть голову, чтобы видеть всю четверку в центре поля зрения, а не на краю, и снова не отключился.

Может быть, от злости.

Куда я попал? Ясно было только одно: законом тут не пахнет, я влип, и влип крепко, но во что? Что тут у них такое – подпольная героиновая лаборатория? Террористическое гнездо?

– Кто вы такие? – спросил я со злостью и заскрипел зубами от вспышки боли в черепе.

– Заткнись, – безразлично посоветовал мне долговязый, – пока не заткнули.

– Буду кричать, – предупредил я.
– У тебя нос забит, – ответил плотный, не поворачивая головы. – Пылью, наверное. Дышишь ртом. Если вставим кляп, тебе совсем плохо будет.

– Кто вы такие? – повторил я упрямо.

– Заткнись, не то в самом деле кляп вставим.

– Сволочи!

– Помолчи, Свят, – обратилась ко мне моя начальница. – Кричать без толку – никто, кроме нас, не услышит. А нам твои вопли мешают беседовать. Не нарывайся. Итак, будем голосовать? Глеб Родионович?

– Первый вариант.

– Не передумаете?

– С чего бы?

– Хорошо. Вадим Вадимович?

– Первый.

– Уверены? Принято. Иннокентий Терентьевич?

– Какой смысл в моем голосе, если двое за первый вариант? – поежился коротышка.

– Таков порядок. Прошу не тянуть, у нас и без того дел выше крыши. Итак?

– Я воздерживаюсь.

Плотный и долговязый ухмыльнулись. Эвелина Гавриловна покачала головой.

– Вы, вероятно, забыли: никто не имеет права воздержаться при голосовании по данному вопросу. Ваш выбор?

– Не первый вариант, – проговорил коротышка и снова поежился. Взгляд его бегал, не в силах остановиться ни на чем, особенно на мне. – Только не первый... Пожалуй, второй, как вы полагаете? Второй, а?

– Чистоплюй! – презрительно бросил долговязый. – Стыдно!

Коротышка втянул голову в плечи.

– Я голосую за третий вариант, – сообщила Эвелина. – Итог голосования следующий: два голоса за первый вариант, один за второй и один за третий. Объявляю отсрочивающее вето. Сами отведете его или кого-нибудь позвать?

– Чего там звать, – ворчливо сказал плотный и по-медвежьи выбрался из кресла. – Я сам доведу, не инвалид пока.

– Оно и видно, – едко заметила Эвелина. – Мог бы просто скрутить его, а не бить. Сил избыток?

– Так надежнее. Порскнул бы он в дверь – лови его...

– Поймали бы. Деваться-то некуда.

– Угу. Только мне и дел – ловить его. Да и другим тоже.

Произнеся эти слова, плотный обогнул стол и направился ко мне. Как только он достаточно приблизился, я попытался лягнуть его ногой и едва не всхлипнул от огорчения, когда понял, что промазал. Ноги пока еще плохо слушались. Вдобавок от резкого движения все передо мной поплыло.

Плотный отскочил.

– Брыкается, – сообщил он с удивлением.

– Дай ему еще раз по голове, – угрюмо посоветовал долговязый.

– А ты бы не брыкался? – поддел его коротышка.

На второй пинок у меня не хватило сил. Схваченный за шиворот, поставленный вертикально, я перестал понимать, где нахожусь. Меня вдруг затошнило с неудержимой силой. Мир погас. Откуда-то издали донесся возмущенный возглас Эвелины: «Да ты ж ему сотрясение мозга устроил!» – но к кому относились эти слова, я не понял. Да и не пытался понять.

В памяти осталось немного. Меня куда-то вели, вернее сказать, грубо тащили. Запомнились бесконечные мрачные коридоры с протянутыми вдоль стен толстыми глянцевыми кабелями, редкие светильники с неприятным режущим светом, огромный зал с подвешенным во всю его длину длиннющим балконом, гул металлических листов под ногами, шум каких-то механизмов, запах электросварки, кафельные стены помещения, похожего на медпункт, где мне шупали затылок, заглядывали в зрачки и сделали укол в мягкое место, потом другие стены, бетонные, нештукатуренные, со следами опалубки, и потолок из бетонных же плит.

Мышеловка.

Свое место заточения я называл тюрьмой, а крепенькая девушка в белом халате, приносящая мне поесть и неизменно сопровождаемая мрачным громилой, – изолятором. Что ж, следственный изолятор – та же тюрьма...

Дело не в семантике, верно? Дело в сути. Как ни назови помещение, где меня содержали и откуда не позволяли выйти, карцером оно все же не было – комфортная температура, свежий воздух, поступающий из небольшой отдушины под потолком, унитаза, рукомойник и медицинский топчан, на котором лежи сколько влезет. Я и лежал, тщательно изучая неровности на плитах и стенах. Иных занятий у меня не было, разве что выздоравливать и тщетно гнать из головы дурацкую песенку: «Я захворал и был положен в изолятор, и долго врач мое дыханье ощущал...». Несколько раз меня заставляли глотать какие-то таблетки. Пожалуй, этот изолятор был все-таки скорее медицинским, нежели следственным. Во всяком случае, на допросы меня не таскали.

Первые дня два я был только рад этому, потом заскучал. Ни девушка в халате, ни тем более громила не отвечали на мои вопросы. Ни на какие. С тем же успехом я мог спросить, который час, у унитаза или вентиляционной отдушины.

На ночь свет гас – не совсем, а так, чтобы не приходилось двигаться ощупью, если вдруг приспичит. Так светит луна в полной фазе. После обеда освещение также убавлялось часа на два, но уже не столь сильно. Пожалуй, я мог бы читать, будь у меня книжка с крупным шрифтом.

Три раза в день повторялась одна и та же процедура: сначала с лязгом открывался замок на стальной двери, затем входил громила, быстро, но внимательно оглядывал помещение и, убедившись, что со времени прошлого визита я не успел сотворить из воздуха гранатомет, пропускал вперед себя девушку, катящую столик на колесиках. Напичкав меня медикаментами и прибравшись в комнате, если в том была необходимость, она удалялась, оставив мне завтрак, обед или ужин, смотря по времени дня. Замок лязгал. Спустя полчаса или около того они возвращались за столиком и пустыми тарелками. И ни разу я не услышал от них в свой адрес ничего, кроме команд: «Проглотите эти таблетки», «Вымойте руки», «Лягте на живот и оголитесь, сделаю укол» и так далее. Отменно вежливо, но неизменно в повелительном наклонении.

Мои часы разбились вдребезги, вероятно, в тот момент, когда я падал после удара по голове. Часов было не жаль – дешевка, но отсутствие представления о точном времени угнетало меня до тех пор, пока я не внушил себе, что в моем положении лучше не знать его вовсе. Извелся бы, следя за стрелками.

Хуже было другое: едва я вставал с топчана, как голова начинала бешено кружиться и мир летел вверх тормашками. О тошноте я уже говорил. К счастью, мучила она меня не все время, но жизнь не украшала. В конце концов я предпочел лежать и в перерывах между приступами рвоты изучать неровности на потолке.

Правильные умозаключения начинаются с правильных вопросов, а их у меня не было, если не считать неслышного бессмысленного вопля: «За что-о?!». Понятно, что дать на него ответ никто не спешил. Так продолжалось два дня. На третий день я почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы начать думать – при том неременном условии, что я лежу и не двигаю головой.

Для разбега я изругал себя последними словами. Чего ради я полез искать приключений? Нора манила? Кажется, я не суслик. Глаза бы мои не видели ту нору. Сто раз ходил мимо нее, прошел бы и в сто первый. И в тысячный, и так далее. Прошел бы – и через десять минут уже сидел бы в раздевалке. Мог бы пробудить к жизни старый сломанный телевизор, что стоит у нас на тумбочке, и узнать, что не все йогурты одинаково полезны. Мог бы дочитать «Подземную Москву» Алексеева и поржать над невежеством автора. Ужасно смешное чтиво, особенно про немецких шпионов с фотоаппаратом, заряженным смертоносными лучами, про библиотеку Ивана Грозного и про стоянку троглодитов в глубоких пещерах под Боровицким холмом. А для того, кто работает под землей, смешное втройне.

От ругани в свой адрес мне чуть-чуть полегчало, и я понемногу перешел к более насущным вопросам. Я находился в плену, это было очевидно. Но у кого?

Мысли о тайной базе террористов или о подпольной лаборатории по производству наркотиков пришли, а точнее, вернулись в первую очередь. Правда, огромный зал, над которым меня ташили по балкону, вполне сошел бы за цех большого завода, а не какую-то там лабораторию. Как видно, дело у них поставлено на широкую ногу... Вот только какое дело? И у кого «у них»?

Второе: кто бы они ни были, им нужен не я. Лучше даже сформулировать так: я им не нужен. Я просто случайно попал куда не следует, как тот пьяненький бич, которого я когда-то направил на опохмел в приемную директора... Того бича, разумеется, выпустили, предвзвешенно помурывив как следует, – вот и меня мурыжат. Короче говоря, это никак не похищение человека с заранее обдуманным намерением. Я не заложник и не взят ради выкупа – много чести.

В конце концов, разве с меня не сняли наручники? Разве меня приковали к отопительной трубе? Или бросили в клопиную яму? Разве по моей просьбе мне не дали одеяло, правда, тощее, и подушку, правда, поролоновую? Не видно никаких признаков того, что меня могут привязать к топчану и водрузить на живот электроутюг. Хотя, если разобраться, какой в этом практический смысл? Никакого, если, конечно, у них тут не курсы повышения квалификации садоводов...

Нежелательный свидетель – вот я кто. Увидел то, что мне видеть не следовало. Не нужно быть гением-самородком, чтобы догадаться, как поступают с нежелательными свидетелями. «Он слишком много знал»...

Вывод мне не понравился, но сколько я ни пытался утешить себя, ища другое объяснение своему заточению, получалось неубедительно. С другой стороны, если меня до сих пор не убили, значит, надежда еще есть. О каких таких вариантах толковали те четверо, решая мою судьбу, словно я чурка неодушевленная? О каком отсрочивающем вето говорила Эвелина? На сколько дней мне дана отсрочка?

На четвертый день мне стало легче. После завтрака я встал, подавил приступ тошноты, переждал головокружение и впервые пересек мое узилище, не держась за стену. Спустя полчаса отдыха я повторил то же упражнение и убедился: ходить могу. Думать тоже. Стало быть, мне пора задуматься над тем, как отсюда удрать. Отсрочка отсрочкой, но никакие отсрочки не вечны – это раз, и неизвестно, чем кончится дело – это два. Можно надеяться выиграть в лотерею, но глупо строить на этом расчет. Я не из тех, кто ставит на карту жизнь, если можно этого избежать.

К тому же мне никогда не везло в лотерее.

Многие ли приговоренные к смертной казни и отказавшиеся от побега получили помилование? Точно не знаю, но убежден, что единицы. Ставить на столь ничтожный шанс – не глупо ли?

Побег я назначил на завтра – сегодня был еще слаб, а тянуть до послезавтра считал рискованным. Собственно говоря, я решал задачу с конца, не уяснив себе принципиальную воз-

можность побега, не выбрав наилучший способ рвануть когти и не придумав пока никакого плана. На все это у меня оставались сутки времени, и я не собирался терять их даром.

Способ графа Монте-Кристо и способ герцога Бофора были не для меня – я не располагал ни временем, ни помощниками. Обстукивать стены я не стал – ежику было понятно, что бетон мне не проковырять. Наверное, я сообразил бы, как добраться до вентиляционной отдушины, но эта отдушина, не в пример той, по которой я ползал червем, пока не попал, как кур в ошип, годилась разве что для кошки, причем не слишком откормленной. Окон в изоляторе, понятно, не было – какие окна под землей? Оставалась дверь.

Крепкая. Металлическая. Снабженная обыкновенным дверным «глазком», причем мой топчан заведомо находился в поле зрения данного оптического прибора. Ясное дело, громила сначала смотрел в «глазок», а потом уже отмыкал замок и входил. Если он не увидит меня на топчане – войдет ли?

Войдет, куда денется. Но мне с того не легче – только полный идиот на его месте даст захватить себя врасплох. А какое оружие я могу противопоставить его резиновой дубинке милицейского образца и пистолету под мышкой? Ножку от топчана? Несерьезно. Да, пожалуй, он сперва кликнет подмогу, а потом уже войдет...

Так или иначе, без содействия людей, пусть и не очень добровольного, мне отсюда не выбраться. Значит, придется использовать человеческий фактор.

Вариант второй: симитировать, будто я лежу на топчане, натянув на голову одеяло, при помощи... вот именно. При помощи чего? На полноценное чучело тряпья не хватит. Кроме того, надо предварительно приучить моих тюремщиков видеть меня всякий раз в одной и той же позе, на что потребуется несколько дней. Итак, второй вариант тоже отпадает.

Вариант третий. Его я обдумал за завтраком на пятый день моего заточения, чувствуя себя гораздо лучше, чем вчера. С охранником-громилой мне не справиться, это медицинский факт. А если внезапно наброситься на девушку, схватить ее за волосы, приставить к горлу вилку и потребовать вывести меня в такое место, откуда я могу рвануть к поверхности, обставить погоню и кинуться в объятия родной милиции – защитите, мол?

Правда, вилки, не говоря уже о ноже, у меня не было – мне выдавалась одна лишь алюминиевая ложка. Спереть ложку и заточить о бетон? Заметят ведь...

Выходит, надо сделать так, чтобы не заметили.

Никакого внезапного озарения со мной не приключилось – до единственно возможного решения я дошел логическим путем. Отвлекающий маневр! А что может отвлечь сильнее, чем приступ буйства?

Рычать буду. Выть буду. Наберу полон рот слюны и попытаюсь изобразить пену на губах. Опрокину столик. Кинусь на охранника и почти наверняка получу удар резиновой дубинкой – хорошо бы не по многострадальной моей голове... Но перед этим надо изловчиться спрятать ложку. Хотя, если устроить представление не до, а после обеда, когда они придут, чтобы увезти столик, ложка будет уже при мне – на теле спрячу! И устрою такой кавардак, чтобы они и думать забыли о какой-то там ложке! Значит, побег переносится с обеда на ужин...

Минусы этого варианта были очевидны: после приступа буйства на меня могли вновь надеть наручники; громила мог избить меня так, что я оказался бы не в состоянии реализовать свой план; крепенькая девушка сама могла владеть боевыми искусствами; наконец, о ложке могли вспомнить по прошествии небольшого времени, а то и сразу. Но более подходящих вариантов я не выдумал, как ни старался. Что, спрашивается, мне оставалось делать? Только утешать себя соображением: побегов без риска не бывает.

И готовиться.

Замок на стальной двери лязгнул много раньше, чем я предполагал. Но вместо громилы и девушки в изолятор вошел тот самый плотный мужик, который помог мне выбраться из лаза. И тот самый, кстати, который ударил меня по голове. Вадим Вадимович, кажется.

Все пропало – это я почувствовал сразу. Меня опередили. Теперь я знал, что чувствует узник, когда в назначенный для побега день за ним приходят, чтобы отвести на эшафот. Не злость, не бешенство и даже, представьте себе, еще не отчаяние – обида! Детская обида. Обманули!

Правда, с этим Вадимом Вадимовичем, на которого мне не терпелось наброситься и изувечить, не было никого. И дверь он оставил открытой, то ли по небрежению, то ли нарочно. Пожалуй, у меня еще был шанс потрепыхаться.

И я справился с собой. Нарочито спокойно сел на топчане, не спеша сунул ноги в ботинки. Напоказ зевнул. Глянул исподлобья на посетителя – ну, мол, по делу пришел или как? Если по делу, то излагай, не тяни, а если без дела – проваливай, некогда мне...

Наверное, я переигрывал. Вадим Вадимович легонько усмехнулся.

– Что подельываешь? – спросил он, доставая из-под мышки тощий бумажный сверток.

– Дышу, – сказал я, стараясь сохранить невозмутимость. – Воздух тут у вас хороший.

– Лучшие в мире специалисты по кондиционированию работают у нас, – кивнул он. – Американцы считают, что лучшие у них, но они ошибаются. Чисто, свежо, почти нет пыли, минимум бактерий и никакого легионеллеза.

– Чего никакого?

– «Болезни легионеров». Слышал? Ладно, не о том речь. – Он кинул мне сверток. – Переодевайся.

– Это еще зачем?

– Переодевайся, – повторил он.

Я разорвал сверток. Из бумажной обертки выпал белоснежный комбинезон, за ним последовали тапочки. Тоже, между прочим, белые... Очень мило.

И как раз мой размер.

Что-то новое в палаческой практике – обрядить покойников загодя, когда они еще не покойники, а так, полуфабрикаты...

Как можно безразличнее пожав плечами, я просунул ноги в комбинезон, встал и был вынужден ухватиться за стену.

– Что, голова еще кружится? – без особой обеспокоенности в голосе прокомментировал мой визитер. – Пройдет. Если пациент всерьез начал обдумывать план побега, значит, как минимум, передвигаться на своих двоих он способен. Скажешь нет?

Я промолчал – выдать себя голосом было легче легкого. Но лицом изобразил удивление.

– Кончай лицедействовать, Сальвини, – ухмыльнулся он. – А то я не знаю, что у тебя на уме. Все такие, как ты, да не всем так везет. Давай шевелись, у меня времени не вагон.

– А это куда? – показал я на свою спецовку.

– Бросай на пол. Если в карманах есть деньги и ценные вещи – вынь. Твое рванье сожгут.

– Никакое не рванье, – заартачился я. – Постирать можно. И ботинки еще крепкие...

– Сказано – переодевайся. – Он дождался, когда я закончу. – Готов? Пошли.

– Куда?

– Там увидишь. И не дури. Отсрочивающее вето пошло тебе на пользу, так что можешь расслабиться, ничего тебе не грозит. Я не понял: ты идешь? Если нет, оставайся тут, пусть с тобой другие возятся, а мне некогда...

– Иду, – сказал я.

Глава 3

Коридор был не такой уж длинный – похоже, в первый раз я неверно оценил его протяженность. Что и неудивительно при сотрясении мозга. На выходе из коридора маялся, покачиваясь с пятки на носок, охранник. Сидеть ему, наверное, не полагалось, да и не на чем было. Вадим Вадимович показал ему какую-то бумажку и, указав на меня, небрежно бросил: «Это со мной». И «это» послушно пошло с ним, поскольку ничего лучшего не придумало.

Больше Вадим Вадимович ничего не предъявлял, хотя мы еще трижды миновали посты охраны. Его знали в лицо и кивали ему, как доброму знакомому. Последний охранник только покосился неодобрительно, когда сразу за его постом мы нырнули в какой-то узкий боковой ход, но ничего не сказал.

– Так короче, – объяснил Вадим Вадимович, хотя я не спрашивал.

Я шел за ним и понимал, что мой план побега не принадлежал к категории безумных, совсем нет. Он попросту был из породы глупых. Безумие иной раз бывает высокое, а глупость – всегда глупость, и нет в ней никакой высоты, есть только стыд, да и то если жив остался. Далеко ли я ушел бы, вырвавшись из изолятора? До первого поста?

Едва освещенный ход петлял и ощутимо вел вниз. Один раз мой слух уловил низкий гул, а ступни ощутили легкую вибрацию бетонного пола, как будто поблизости работал некий мощный механизм, вроде высоковольтного генератора. Мне даже показалось, что в воздухе запахло озоном. Другой раз прямо над головой с воем и грохотом пронеслось что-то длинное – если не поезд метро, то я уж не знаю что. Между прочим, туннели метро должны иметь аварийные лазы, и если один лабиринт где-нибудь соединяется с другим, то...

Вернуть этому толстомордому Вадиму Вадимовичу удар по затылку – не оставаться же мне перед ним в долгу – и деру! Авось выберусь на перегон, авось не задавит поездом. Дело за малым: я не знаю, куда бежать, а местные знают, да вот беда – не скажут.

По правде говоря, не только это соображение остановило мою руку. Не мог я ударить его сзади, тишком, не мог, и все тут! Глупо, правда? А он и не думал оглядываться на меня, будто нарочно подставляясь: «Ну же, бей! Вдарь крепче! Слабо?».

Не терплю, когда меня провоцируют. Я сам себе голова, пусть и битая, и люблю решать за себя сам. Провоцируешь – гуляй.

Ход вывел в широкий коридор. По правой его стене змеились толстые кабели, в левой то и дело попадались стальные двери, а то и целые ворота. Светя фарами, мимо нас проехал электрокар, доверху груженный какими-то коробками с иностранными наклейками. Склад тут, что ли? Перевалочная база для контрабандной переброски видеоаппаратуры и офисной техники? Ни фиги не понятно. Но, кажется, не наркотики, и на том спасибо...

Навстречу проехал еще один кар – с большим ящиком, наполненным металлической стружкой. Нет, это был не склад. А что? Уж не цех ли?

Какой там цех! Больше похоже на подземный завод.

– Сюда, – показал Вадим Вадимович.

Лязгнул рычаг, стальная дверь натужно отворилась. За ней оказалась вторая, точно такая же. Загорелась красная лампочка – и погасла, чуть только лязгнуло за спиной. Ага, тамбур... Экранированное помещение. Знакомые штучки...

За второй дверью оказался зал. Это и правда был цех, только не механический и не сборочный, а, скорее всего, цех регулировки чего-то радиоэлектронного. Человек тридцать разного возраста и пола, одетых в такие же белоснежные комбинезоны, каков был на мне, молча работали, то и дело поглядывая на экраны приборов. Никто не обратил на нас внимания.

Я бегло огляделся, и соображалка заработала сама по себе, без приказа. Так... Это не поточное изготовление продукции – нет конвейера. Что-нибудь мелкосерийное, если не уникальное. Скорее всего, опытное производство.

Профессиональный шпион, разумеется, увидел бы больше. Но уж чем богаты...

– Туда, – показал Вадим Вадимович. – Вон свободный стенд.

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил я на ходу.

– Как и вся наука, – недовольно бросил он. – Счастьем человеческим.

– Что-нибудь с космосом? – Я подвигал кожей на лбу, вспомнил первоисточник и ехидно ухмыльнулся.

– Угадал. А теперь помолчи.

В каком, интересно, смысле – «угадал»?

– Ну, – неласково спросил он меня, подводя к рабочему месту, – что умеешь?

Я пожал плечами.

– А что вам нужно?

– Для начала настроить полосковый смеситель. Вот стенд, вот требуемые характеристики. Возьмешься?

– Почему бы нет.

– Действуй.

Он отошел, а я принялся действовать. Для начала так и сяк повертел в руках смеситель, выполненный в виде отдельного модуля размером со спичечный коробок. Осмотрел топологию платы, определил материал подложки, взглянул на требуемые характеристики и с удовлетворением отметил, что на глаз ошибся в значениях частот не больше, чем на пять процентов. Хорошее дело практика, пусть даже в ней имелся перерыв. Мастерство, как говорится, не пропьешь. Ни один пловец, если у него не нарушены рефлексy, еще не разучился плавать и ни один велосипедист – ездить на велосипеде. Список можно продолжить.

Наладчики аппаратуры – не исключение, был бы под рукой нужный инструмент. Инструмент был. Я остался недоволен щупом и изготовил новый, потратив на это минут десять. Еще минут пять ушло на резку скальпелем индиевой фольги – ее квадратики, которые липнут к плате, как пластилин, как раз и изменяют характеристики устройства. За это время прогрелись приборы, и я выставил на них рабочий режим. Стенд был древний, даже без компьютерного управления, но и я ведь настраивал не крылатую ракету, а простейшее устройство, а кроме того, в моем положении привередничать не приходилось.

Бывают паскудные блоки и модули, удачная настройка которых граничит с везением. Данный смеситель оказался не из их числа. Работа чисто механическая, для обезьяны. Довольно быстро я вытянул полезный сигнал на нужный уровень, задавил зеркальный канал и снизил высшие гармоники до требуемого предела. Обеспечив небольшой запас, нанес на индий капельки лака – так и есть, характеристики ухудшились, но все же остались в пределах требований. Все.

– Готово.

– Возьми с полки еще один и продолжай.

Со вторым модулем я справился еще быстрее.

– Теперь что?

– Возьми третий. Нет, сначала выключи все приборы и снова включи.

С третьим пришлось повозиться, но вскоре и он последовал за вторым.

– Еще один?

– Достаточно. Пошли.

– Куда?

– На расстрел. Шучу. Не задавай глупых вопросов.

Идти пришлось всего-навсего до маленькой каморки в торце цеха. Типичный закуток цехового начальства и никаких признаков расстрельной камеры. За столом, занимавшим половину каморки, над ворохом чертежей склонился некто в белом, запустив пальцы в жидкие остатки шевелюры. Вадим Вадимович кашлянул.

– Борис, выдь-ка на минуту, нам поговорить надо.

Тот только кивнул и улетучился. Как видно, мой обидчик считался здесь важной шишкой.

– Садись, Свят, в ногах правды нет...

– Ее и выше нет, – огрызнулся я, однако сел. – Что все это значит?

– Тебе не нравится? – ушел он от прямого ответа.

– Еще как нравится, – сказал я. – Всю жизнь мечтал получить сотрясение мозга. Незабываемое удовольствие. А пять дней взаперти в этом вашем изоляторе – или как его там? – просто неземное блаженство...

– Сколько дней взаперти? – прищурился он.

– Пять. Считать я еще не разучился.

– Не пять, а восемь с хвостиком. Под землей у человека свои биологические часы, и мы под них подстраиваемся, так удобнее. Здесь у нас сорок часов в сутках. Ты попал к нам в четверг, а сейчас пятница следующей недели.

Я не поверил. То есть поверил, но гораздо позже, когда на собственном опыте убедился, что он прав.

Восемь дней или пять – все равно много. Мама с ума сходит, а ведь у нее слабое сердце...

– Не беспокойся, – легонько усмехнулся Вадим Вадимович, будто прочитав мои мысли. – По легенде, в настоящий момент ты находишься в срочной командировке. Включен в состав бригады, срочно вызванной на оборонный объект для ликвидации аварии водоснабжения. Полная секретность, зато неплохие премиальные. Ты сам напросился подзаработать. Твоя мама в курсе. Других родственников у тебя нет. Девушка есть?

– Нет.

– Это хорошо. Близкие друзья?

– Близкие? Тоже нет, пожалуй...

– И это хорошо, Свят. Очень хорошо. Ты не удивлен, что я кое-что о тебе знаю?

– Почему я должен удивляться? – пожал плечами я.

– А ты и вправду не дурак, – с видимым удовольствием заключил он. – Давай знакомиться. Стерляжий Вадим Вадимович, руководитель программы. Себя можешь не называть, ты – Горелкин Святополк Всеволодович, двадцати двух лет, неоконченное высшее, холост, не был, не состоял, не привлекался. Кстати, откуда у тебя такое имя?

– От отца.

– Подробнее можно? Если ты не против.

Я был еще как против, но почему-то размяк. То ли на меня против воли подействовал тон Вадима Вадимовича – теперь почти дружеский, – то ли продолжало сказываться сотрясение мозга. Неожиданно для самого себя я разоткровенничался.

– Отец увлекался русской историей... то есть не то чтобы знал ее профессионально, но копать местами любил. Он считал, что князь Святополк Окаянный зря оболган – не убивал он Бориса и Глеба... и третьего еще, забыл, который не святой... Мол, все это идеологическая диверсия Ярослава, который и был организатором устранения братьев-конкурентов, а киллером – Эймунд, шведский наемник. В общем, отец считал, что Святополка надо реабилитировать, а хромого бандита, хоть он и Мудрый, вывести на чистую воду. Так он говорил.

– И в результате тебя всю жизнь дразнят Окаянным?

– А что такого? Лучше уж так...

– Лучше подsunуть приятелям необходимое прозвище, чем ждать, что они рано или поздно выдумают обидное? – закончил Стерляжий, и я поразился точности формулировки. – Да, ты неглуп, а вот хорошо это для нас или нет, я пока не знаю... Возможно, для нас было бы лучше, если бы при своих способностях ты был пускающим слюни идиотом. Проще было бы – это уж точно.

– Какие еще способности? – спросил я, вновь ощущая приступ раздражения. – Кто вы такие? По какому праву...

Я порол чушь. Пожалуй, лишь до упомянутого идиота, занятого пусканием слюней, еще не дошло бы, что с правами личности здесь считаются не больше, чем данная личность заслуживает. Но уж больно меня раздражал этот Вадим Вадимович Стерляжий, который сначала бьет по голове, а потом держится почти дружелюбно и говорит при этом загадками. Поэтому я еще какое-то время горячился и почему зря выпускал пар.

– Ты заметил, чем твой стенд отличался от соседних? – спросил Стерляжий, терпеливо дождавшись конца моей истерики.

– Анализатором спектра, – ответил я, переведя дух. – У других что надо, а мне подsunули несутетное старье, советское еще...

– А оно работало?

– Если бы оно не работало, то как бы я настроил модуль? – резонно ответил я.

Он посмотрел на меня с изумлением.

– Никак. Ты не должен был его настроить. Тот анализатор сломан, и никто не может его починить. То есть иногда он включается ненадолго, но... ты знаешь, что такое «плавающий дефект»?

– Гадость ужасная.

– Вот именно. Или перебирать всю схему, или выкинуть прибор на помойку. Так и хотели, но решили сначала проверить тебя.

– Сломанный прибор на мне решили проверить? – не понял я.

– Наоборот, тебя на сломанном приборе. Прибор мы выбросим, а тебя – нет. Ты феномен, понял? Скажи спасибо Эвелине Гавриловне – она убедила руководство. Мы феноменами не разбрасываемся.

У меня начало ныть в голове. Мыслей там было немного, да и те нехорошие.

– А можно подробнее?

– Почему бы нет. Что такое «визит-эффект», знаешь? – Я кивнул. – Так вот, мы заинтересовались данной проблемой. С одной стороны, все это выглядит как сплошное шаманство; с другой стороны, статистически «визит-эффект» действительно существует, даже если исключить легко объяснимые и очевидные факторы вроде нервозности персонала во время визита начальства. Техника очень дифференцированно относится к чужим – кого-то принимает сразу, а кого-то не переносит на дух. Я не шучу, так оно и есть. Причем чем техника сложнее и, следовательно, ненадежнее, тем сильнее проявляется данный эффект. Особенно сильно им страдали первые, самые древние вычислительные машины – сам понимаешь, деталей воз, паяных контактов тьма, а электронные лампы и реле никогда не отличались надежностью в работе. Уже тогда не всякий человек годился в операторы, но, разумеется, персонал подбирался эмпирически, без надлежащей системы. По сути вся инженерная деятельность сводилась и до сих пор сводится к тому, чтобы заставить сложную технику подчиняться любому оболтусу, а не только тем, кого эта техника любит и понимает... собственно, «любит» в данном контексте не очень точный термин, но лучшего не выдумано. «Совместимость», «духовное родство» – из той же оперы. Проще говоря, есть люди, которые любят технику, и есть люди, которых любит техника. Ты из вторых. Ты, Свят, любимец техники, причем ярко выраженный.

– Вы серьезно? – через силу ухмыльнулся я.

– Более чем. Что может быть проще трубы, по которой течет вода? А мне Эвелина Гавриловна говорила, что на твоём участке в твою смену ни разу не было серьёзной аварии. Нонсенс! Так не бывает. Готов поверить, что гнилая труба ведёт себя как сложная система с непредсказуемым поведением, и вот ты – именно ты! – сам того не зная, поддерживал её работоспособность одним своим присутствием. Видишь ли, мы здесь работаем с ОЧЕНЬ сложной техникой, настолько сложной, что нам приходится учитывать и такие факторы. Не стану врать: теоретически данная проблема пока ещё крайне далека от разрешения, однако теорией пусть занимаются другие, мне важнее практика...

– У кого было сотрясение мозга – у меня или у вас? – сдерзил я.

– Один эксперимент над тобой я уже проделал. – Стерляжий проигнорировал мой выпад. – Можно хоть сейчас проделать второй. Тут рядом есть лаборатория, а в ней измерительная установка. Что именно она меряет, сейчас не суть важно – важно то, что она не в меру чувствительна к внешним возмущениям. Ты в курсе, что любой измерительный прибор воздействует на объект измерения? В курсе? Ну вот и хорошо. Только в понятие «измерительный прибор» следует включать и оператора, об этом обычно забывают. Если к той установке подойду, скажем, я – прибор зашкалит, это многократно проверено. Меня за это даже экстрасенсом дразнили. Если к ней подойдет тот, кто на ней постоянно работает, – показания вначале подскочат на два-три деления, затем медленно вернуться в норму. Если к ней подойдешь ты – убежден, ничего не изменится. Хочешь пари?

– Биополе человеческое ещё никто не отменял, – заметил я. – Что тут такого? Люди-то разные...

– Именно разные. Биополе там, не биополе – мне плевать. Важен результат.

Нехорошая мысль в моей голове оформилась и окрепла.

– Значит, если бы я не настроил ту железяку...

– Ничего бы не было, – отрезал Стерляжий. – Не веришь? Зря. Решение о тебе было принято не сегодня и не мною. А это – так, моя самостоятельность... Я верю тому, что вижу. Хотел убедиться кое в чем.

– Ну и как?

– Убедился.

– Рад слышать. А кто это «мы»?

– Корпорация.

– Какая корпорация?

– Просто Корпорация. С прописной буквы. Другого названия нет.

– Масонская ложа? – съязвил я.

– В некотором роде. Не спеши, со временем узнаешь больше. А теперь объясни, почему ты ушел из своего НИИ.

– Вы же небось знаете...

– Я даже знаю, сколько ребер на батарее отопления в твоей комнате. И уж давно знаю о твоём конфликте с пожарной охраной. Только мне думается, что это не причина, а повод. Полагаю, тебе не хотелось продолжать там работать, не хотелось так, что ты предпочел пойти служить срочную. Почему?

– Надоело. – Я кратко изложил свою (или Паркинсона?) теорию насчет старения структур с их неизбежным впадением в окончательный маразм. – Работа не ради результата – ради бумажки. Скучно. И люди там – что ни рожь, то харя...

Стерляжий криво улыбнулся.

– Ответ принят. А почему после армии ты не устроился работать в место, более отвечающее твоим способностям? Скажем, в техотдел московского представительства какой-нибудь иностранной фирмы – ну «Самсунг» там или «Хьюлетт-Паккард»? Зарабатывал бы куда больше.

– И за эти деньги кланялся бы всякому сопляку в белом воротничке? В Водоканале лучше. Эвелина наорет, ты ответишь, вот и скуки нет.

– У нас не заскучаешь, обещаю.

Я промолчал.

– Почему не возражаешь? – спросил Стерляжий с интересом. – Дескать, я, то есть ты, еще не дал согласие здесь работать и так далее...

– Я еще не дал согласие здесь работать, – с чувством повторил я. Помолчал и добавил: – И так далее.

– Ты не круглый идиот, а значит, согласие дашь, – сказал он. – Ты не глупый хитрец, а значит, твое согласие будет искренним. Всему свое время, мы тебя не торопим. Можешь спрашивать, я отвечу.

– Могу я, по крайней мере, узнать, где меня вынуждают работать? – спросил я.

– В Корпорации, – повторил Стерляжий. – В моей группе.

– И это все?

– Для начала да.

– Надеюсь, что с законом...

– Закону нет до нас дела, – оборвал Стерляжий. – Объяснить почему? Курицу, несущую золотые яйца, не режут, даже если она ненароком клюнет хозяина или нагадит не там, где нужно. Уничтожить нас можно, но не выгодно. Прибратать к рукам – выгодно, но не реально. Кто несет золотые яйца, тот может диктовать условия.

– И на какой же срок рассчитана моя... эта... командировка? – спросил я.

– Навсегда.

– В каком смысле?

– В прямом. Нет, мать ты увидишь, конечно... спустя какое-то время. За нее не беспокойся. Ей будут пересылать заработанные тобой деньги, немалые, между прочим! За ее здоровьем будут следить лучше, чем сумел бы сделать ты. Время от времени ты будешь посылать ей телеграммы и получать ответные. При случае поговоришь и по телефону. Но твоя так называемая командировка – навсегда, Свят. Пойми и проникнись этим. От нас не уходят.

«Вернее, уходят только вперед ногами», – захотелось поправить мне, но я смолчал. Стерляжий произнес эти слова на редкость буднично, без малейших признаков патетики. И я ему поверил.

– Скоро ты сам захочешь остаться, – добавил он почти добродушно.

Вот в этом я совсем не был уверен.

Он назвал величину моей новой зарплаты – действительно немалую, но не чрезмерно большую. Оно и к лучшему. Получив несусветные деньги, мама может подумать, что я подрядился чистить скребком ядерные реакторы.

Среди мучивших меня вопросов был один, задавать который прямо сейчас, пожалуй, не стоило. Но сдержаться я не мог и не хотел.

– А бить меня по голове было обязательно?

– Хм. Вообще-то я бы не развалился, если бы извинился перед тобой, – сообщил Стерляжий. – Но извиняться я не буду, потому что сделал то, что надо было сделать. Только не думай, что, шарахнув тебя по затылку, я испытал удовольствие. Тебе от этого легче?

– Нет.

– Тогда могу выразить тебе благодарность от себя лично, но лучше пусть это сделает начальник охраны. Ты его, кстати, видел, это такой высокий, Глебом Родионовичем зовут... Как-никак благодаря тебе мы перекрыли еще один неучтенный лаз. Теперь в той твоей норе такие решетки, что и автоген не сразу возьмет. Плюс сигнализация.

– И часто ему приходится говорить спасибо? – спросил я.

– Чаше, чем хотелось бы... Чего ты хочешь, место такое. Тут за восемь столетий столько нарыли – внукам хватит изучать. Надежных схем коммуникаций нет и никогда не было. Понятное дело, свою территорию мы по возможности заизолировали, но все равно: то диггер какой-нибудь просочится через неизвестный лаз, то просто обормот вроде тебя...

– Спасибо.

– Пожалуйста.

– А что это за варианты – первый, второй, третий? – спросил я.

– Какие варианты?

– Те, о которых вы спорили.

– А, – сказал он. – Услышал? Ушастый больно. В общем, третий вариант ты сейчас ощущаешь на себе.

– А первый?

Стерляжий поморщился.

– Я бы не хотел об этом говорить.

– А все-таки?

– Исчезновение. Тебя бы не нашли, уж извини. Предосторожность. Одержимый любовью знательностью человек нырнул под землю на свой страх и риск и не вернулся. Бывает.

– Совсем не нашли бы?

– Ну, как сказать... – Он пожал плечами. – При очистке канализационных стоков, может, и нашли бы. Гиляровского читал?

Я содрогнулся.

– А второй вариант?

– Амнезия. Укол – и все. Тебя находят на мостовой в людном месте, везут в вытрезвитель, оттуда, разобравшись, переправляют в психбольницу и через год-два выписывают относительно здоровым. Правда, многому придется учиться заново – ну, вилку там держать, мочиться не мимо унитаза и так далее. Со временем такой пациент начинает узнавать родных и вспоминает кое-что из своей прошлой жизни. Но не все.

– А если он вспомнит вот это? – Я показал глазами на цех.

– Спишется на шизоидный бред, а поскольку пациент сохраняет рассудок, он сам начинает считать реально увиденное своими фантазиями. И уж во всяком случае помалкивает о них – кому охота снова в психушку? Даже если он заговорит – у нас хорошее прикрытие. Есть одна серьезная контора, а в ней специальная группа, занимающаяся исключительно нашей безопасностью. Но ты прав, мы редко идем на второй вариант...

– В основном на первый?

На морде Стерляжего обозначились желваки.

– Да, – жестко сказал он, – на первый. Надежнее. Тебе это не нравится? Могу утешить: мне тоже. Поэтому мы работаем над совершенствованием второго варианта. Добьемся стопроцентной гарантии – первый вариант отменим совсем. Вот так вот.

– А добьетесь? – с ехидцей спросил я.

– Безусловно. Ломать – не строить.

Это уж точно.

– Значит, выбора у меня нет? – спросил я.

– Только между этими тремя вариантами, – сказал Стерляжий. – Мы выбрали, теперь выбор за тобой.

– За вами, – сказал я.

– Что?

– Не за тобой, а за вами. Есть разница.

Стерляжий дернул скулой и как-то весь поджался – наверное, что-то почувствовал.

– Не ощущаю.

– Сергей Павлович Королев обращался к своим сотрудникам только на «вы», – объяснил я. – Он мог обматерить провинившегося, но добивался того, чтобы подчиненный уважал сам себя. И это давало результаты.

– Да ну?

И в этот момент я ударил его по мясистому лицу – без замаха, тыльной стороной ладони. Плюха получилась что надо.

Взревев медведем, Вадим Вадимович Стерляжий вскочил, опрокинув стул.

– В расчете, – объявил я.

Он двинулся было на меня, но сразу угас. Взял себя в руки. Поиграл желваками, сел, принужденно улыбнулся:

– Черт с тобой, в расчете. Вот ты, оказывается, какой фрукт...

– Я не фрукт и не овощ.

– Ты хуже. Бешеный огурец. А вообще-то только так и надо... Ладно! – Он пристукнул ладонью по столу. – Будем на «ты», идет? Я этих китайских церемоний не люблю. Мир?

Я видел, чего ему стоило сказать это. Правая его щека была гораздо краснее левой и уже начала понемногу опухать. Наверное, нечасто ему приходилось сносить плюху от щенка, каковым он меня, без сомнения, считал.

– Мир, – согласился я. – Подать тебе аптечку?

– А что такое? – спросил Стерляжий и начал ощупывать свое лицо.

– Кровь. Я тебе нос подбил.

Он засопел, хлюпнул носом и полез в карман за платком.

– Вот всегда так... Капилляры слабые. Сколько раз это меня подводило... В детстве, бывало, дрались до первой крови, и всегда выходило, что до первого удара мне в нос...

Сквозь платок его голос звучал гнусаво. Наконец Стерляжему удалось унять кровотечение, и он спрятал платок в карман, раздраженно его скомкав.

– Ты все-таки того... не нарывайся, – сказал он. – Я тебя понял – другие могут не понять. Ясно?

– Ясно.

– У меня-то психика тренированная... А все-таки ты гад!

На этот счет у меня имелось иное мнение, но озвучивать его я счел излишним. Вместо этого спросил:

– Когда мне приступить к работе?

– Ты уже приступил. Имей в виду, фиксированного рабочего дня у нас нет, законы о труде тут не действуют. Пока что иди отдыхай. На это тебе дается, – он взглянул на часы, – четыре часа с минутами. Советую поспать. – Он встал и потянулся всем телом. – Пошли провожу, а то еще заблудишься, да и пропуска у тебя нет...

– Опять в изолятор? – нахмурился я.

– А то куда же? Выделять тебе койку в общежитии нет смысла – через четыре часа я лечу и захвачу тебя с собой.

– Куда еще?

– На орбитальную станцию «Гриффин». «Человека-невидимку» Уэллса читал? Название мы слямзили с фамилии героя. Невидимого человека никогда не существовало, а невидимая станция есть. Пошли.

Только на середине пути я достаточно пришел в себя, чтобы спросить Стерляжего:

– Существует космическая станция, о которой никому ничего не известно?

– Почему неизвестно? – обернулся он на ходу. – Мне известно, а теперь и тебе. Твоей Эвелине Гавриловне известно, хотя она на ней никогда не была... она из наземного персонала, отвечает за восточный сектор... вроде коменданта. Ну, еще человек сто знают, а больше и не нужно. Скажешь, чересчур много? Представь себе, утечек информации до сих пор не было.

Будут, подумал я. Потом вспомнил о первом и втором вариантах.

– Что еще тебе непонятно?

– Запуск, – ответил я. – Как можно его скрыть – не понимаю. И как мы за четыре часа доберемся до Байконура? До Плесецка – еще куда ни шло... Но тогда почему мне надо идти спать?

– Не хочешь спать – просто поваляешься, – проворчал Стерляжий. – Скоро сам все увидишь.

Да уж... Хотел бы я посмотреть, как космический корабль стартует из разверстого канализационного люка где-нибудь посреди Большой Якиманки... Бред! Чушь злобредная!

За дурачка меня тут держат, что ли? Или просто заговаривают зубы, перед тем как привести в действие первый вариант? И то верно: зачем тащить тело к ближайшему канализационному коллектору, когда оно преспокойненько дойдет на своих двоих?..

– Можно подумать, что здешние подземные жители изобрели пресловутый космический лифт! – фыркнул я.

Стерляжий остановился. Пожал плечами. Уставился на меня.

– Космический лифт? – переспросил он. – Да он давно существует!

Глава 4

Он стоял передо мной и ухмылялся. Чувствовалось, что ему не впервой учить сосунков уму-разуму, однако это занятие еще не успело ему надоесть.

– В каком смысле существует? – спросил я.

– В вещественном, – фыркнул он. – Я тебе не субъективный идеалист какой-нибудь. Запуски проводятся регулярно, хотя мы называем их просто подъемами. Та еще рутина. Да лифт – что! Поживешь с мое – еще не то увидишь, а может, и сам поучаствуешь в чем-то. Напомни: кто был первым человеком, высадившимся на Луну?

– Э... Нейл Армстронг.

– Верно. А четырнадцатым?

– Понятия не имею. А сколько их всего было в американской программе?

– Темнота. Двенадцать. Тринадцатым был Ваня Песков, он погиб на испытаниях в прошлом году, а четырнадцатым – я. Ну чего рот разинул, пошли.

Остаток пути до изолятора мы протопали молча. Стерляжий явно спешил; мои же бедные сотрясенные мозги никак не могли выдать из себя новый вопрос. Суп был в ноющей моей голове, суп из полуфабрикатов. Один раз короткий приступ головокружения мотнул меня к стене, но Стерляжий, кажется, не заметил.

В изоляторе ничего не изменилось, разве что исчезла моя грязная спецовка. Я свалился на топчан и попытался уснуть. Сон не шел, вдобавок очень скоро появилась знакомая крепенькая девушка, катящая перед собой столик с обедом. Громилы-охранника на сей раз при ней не было. Возможно, он остался за дверью.

– Меня будут кормить внутривенно? – сострил я, углядев рядом с тарелками очень немаленький шприц.

– Внутримышечно. Ложитесь на живот и оголите ягодичу.

– Правую или левую? – с ухмылкой поинтересовался я, ужом выползая из комбинезона.

– Хоть среднюю, если она у вас есть. Не дергайтесь... Готово.

– Что за дрянь вы в меня влили?

– Не беспокойтесь, не керосин. Всего-навсего глюконат кальция и витаминный комплекс, больше вам ничего не нужно.

Сегодня девушка была куда более разговорчива, чем обычно. Грех было не воспользоваться.

– Как вас зовут?

– Аня.

О! Ответила. Выходит, мой статус действительно изменился.

– А меня Свят. Святополк.

– У каждого свои недостатки. Одевайтесь.

– Давно здесь работаете? – поинтересовался я, натягивая штаны.

– Давно.

– И нравится?

– Надо же где-то работать.

– И все время под землей?

– Обед стынет, – сказала она и ушла. А я принялся насыщаться, так и не успев спросить Аню, что она делает вечером.

На обед было подано: солянка, плов и компот. Быть может, местные подземные жители и вправду никогда не выходили на поверхность, но готовить они не умели, это кулинарный факт. Уровень заурядной столовки, не выше. Какой умник сказал им, что в плов надо класть лавровый лист и томатную пасту? Он бы у меня ничем другим и не питался.

Я уже допивал компот, когда меня осенила мысль. А ведь я не слышал щелчка дверного замка! Выходит что же – меня не заперли?

Так оно и оказалось. Никто не помешал мне выйти в коридор, никто не набросился на меня и не потащил обратно в узилище, пригнув локти к затылку. Я прогулялся в одну сторону, затем в другую. Встретил двоих – мужчину и женщину, – но им явно не было до меня никакого дела. Свобода?

Держи карман. Я поддался иллюзии лишь на несколько секунд, после чего обозвал себя лопухим придурком и закусил губу. Не может быть, чтобы за моими перемещениями не следили. Не говоря уже о постах охраны в торцах коридора – а в самом коридоре исчезнуть просто некуда. Да и Стерляжий наверняка врал, говоря, будто знает, что у меня на уме. Делать ему нечего – интересоваться психологией заключенных! Наверняка моя камера оснащена скрытыми видекамерами (по меньшей мере одной – за решеткой вентиляционной отдушины), да и коридор тоже просматривается... Будь иначе, меня просто не выпустили бы побродить.

Черт побери, что же это за корпорация с названием Корпорация, одним своим существованием нарушающая минимум десяток законов, городских и федеральных, начиная со статьи о незаконном предпринимательстве? Чем она занимается и какие такие «золотые яйца» несет? Кто ее покровители? Судя по всему, она существует не первый год, а почему о ней никому ничего не известно? Информация всегда просачивается, это азы, она свертхтекуча, как жидкий гелий, и самые свирепые меры секретности всего лишь уменьшают просачивание, но никак не ликвидируют его...

Ничего не понятно, кроме одного: фирма более чем серьезная. Вроде тайной службы, даже хуже. Угробить человека им раз плюнуть, тут нет сомнений. Вряд ли Стерляжий решил меня поугаать.

Но я-то, я-то! Человек ведь, не букашка. Гражданин страны, которая по крайней мере декларирует заботу о своих гражданах. Я, что, не имею никаких прав? А меня накрыли сачком, словно глупую бабочку, и принялись решать: отпустить полетать в оранжерее или «сначала в морилку, потом в распрямилку»... Тьфу, да какая там распрямилка! Меня, гражданина страны и царя природы, просто-напросто намеревались утопить в канализационном коллекторе. Для такой смерти не стоило рождаться на свет, более позорный финал жизни трудно представить.

Они тут что, думают, что избавленный от коллектора человек будет благодарен им до конца дней своих? Они что, всерьез думают добиться лояльности принуждением?

Рыпаться я не посмел, но позлился вволю, благо никто этому не мешал. А что толку? В конце концов я выпустил пар и вернулся в изолятор, уже почти не ощущая внутреннего протеста. Пусть все липа, пусть каждый мой шаг фиксируется, но мне удлинители поводок, а это уже немало. Для начала, конечно.

Голова опять закружилась. Я чудом не промахнулся мимо топчана, лег и натянул одеяло по самые уши. Ладно, велено спать – посплю. Раздражать хозяев неповиновением, по-видимому, не стоит. Задача первая – выжить. А вторую и последующие задачи я поставлю себе по исполнению первой.

Допустим, космическая станция «Гриффин» действительно существует, – что тогда? Почему Стерляжий стремится отправить меня туда не завтра, не через месяц, а как можно скорее? И в качестве кого? Я же еще тут не осмотрелся, и мозги у меня до сих пор набекрень!

Случайность? Вэ Вэ Стерляжий не производит впечатления человека, управляемого случайностями. Похоже, он точно знает, чего хочет. Значит, недоверие?

Уже теплее. С какой радости деловой человек вроде Стерляжего станет доверять всякому хмырю, выползшему из трубы? Задавить выползка! Чтобы не создавал проблем. Эвелина – спасибо ей – вступилась за меня, добилась поддержки руководства, а у Стерляжего из-за этого лишняя головная боль. Вот именно, не у одного меня голова болит...

Карантин – вот чего, по-видимому, хочет Стерляжий. Как в армии – три первых месяца службы ни шагу за ворота. На всякий случай. Во избежание. Куда я, в самом деле, денусь с орбитальной станции? Кому проболтаюсь? Лишь со временем станет ясно, достоин ли я доверия или им придется выбирать между первым и вторым вариантами.

Значит, мне для сохранения собственной шкуры придется побыть в роли пай-мальчика?

Противно это до зубовного скрежета. И еще вопрос на засыпку – смогу ли я быть или хотя бы казаться пай-мальчиком, даже если очень этого захочу?

Я долго ворочался, но так ничего и не придумал и в конце концов уснул.

– Сейчас наверху ночь, – сказал Стерляжий, обращаясь ко мне. – Подъем всегда осуществляется ночью, особенно с первой площадки.

Я ожидал продолжения, но его не последовало. Пришлось спросить:

– А с других площадок?

– В основном тоже. С четвертой иногда и днем, но это на крайний случай. Нам разговоры о летающих тарелочках ни к чему. – Он посмотрел на часы. – До подъема сорок одна минута. Нам лучше поторопиться.

За тридевять земель у них стартовая площадка, что ли?

Похоже, так и было. Я не очень удивился, когда очередной коридор вывел нас в круглый туннель с уложенными на полу рельсами – двумя обыкновенными и одним контактным, прикрытым сверху кожухом. Как в метро. Только рельсовый путь тут был узкоколейный.

Почти сразу подкатило что-то вроде мотодрезины с одним миниатюрным вагоном. Мы погрузились, Стерляжий дал сигнал машинисту, состав лязгнул, дернулся и с воем рванул в черноту.

Никого, кроме нас, в вагоне не было. В проходе были свалены какие-то коробки без наклеек. В них могло находиться все, что угодно.

Кто, когда и с какой целью пробивал все эти туннели, коридоры и штреки – оставалось только гадать. Я подумал, что если мы мчимся по тому туннелю, который был прорыт для спасения кремлевской верхушки на случай ядерной атаки, то пресловутая первая площадка должна располагаться где-то на юго-западе от центра города, в ближайшем пригороде, а возможно, даже в городской черте. Но мне почему-то казалось, что это совсем другой туннель.

– Куда мы едем? – прокричал я на ухо Стерляжему, рискнув задать вопрос.

– На мусоросжигающий завод в Алтуфьево, – перекрывая вой и грохот, проорал он мне в ответ. – Первая площадка там.

Мусор они, что ли, отправляют на орбитальную станцию?

– Удобно, – крикнул мне в ухо Стерляжий, уловив мое недоумение. – Почти пустая территория, там и днем-то народу немного, а уж ночью... Опять же – запашок. И красть там нечего, так что никто в здравом уме туда не полезет, можно сэкономить на охране...

Гм... У меня успело сложиться впечатление, что они тут не особенно пекутся об экономике. Однако от других вопросов я благоразумно воздержался.

Минут через двадцать, по моим субъективным ощущениям, наш мини-поезд стал тормозить. По глазам резанул свет, и мы очутились в зале – не очень большом и меньше всего похожем на подземный зал станции метро. Где-то еле слышно журчала вода.

– Достопримечательность. – Стерляжий мимоходом указал вбок, где из дыры в решетчатом потолке свисал гигантский сталактит, похожий на хвост дохлого диплодока. – По всем прикидкам, ему никак не меньше ста тысяч лет.

– Разве этот зал не искусственный? – изумился я, забыв о том, что намеревался помалкивать.

– Карст. Кое-что мы тут и сами накопили, но не так уж много. Это аккуратно надо делать. Природа не терпит пустоты, особенно под городом, в такую пустоту, бывает, дома проваливаются...

Рельсы кончались очень обыкновенно, как кончается всякий железнодорожный тупик. Тут не было даже платформы. Зато была шахта, уходящая куда-то вверх, и тяжелые створки над головой. Они как раз раздвигались. Урчали невидимые механизмы. Лязгнуло, пронесся гул, и все стихло.

– Чего рот разинул, – толкнул меня Стерляжий. – Ты в порядке? Тогда помогай разгружать.

Несколько человек, выстроившись цепочкой, уже переправляли коробки из вагона к краю бетонной площадки под жерлом шахты. Я примкнул к ним. То же сделал и Стерляжий, заставив меня усомниться в его статусе большого начальника. Хотя, возможно, здесь так было принято.

Коробки оказались довольно тяжелыми. Третью я едва не уронил, и перед глазами у меня поплыло. Стерляжий сказал что-то, и меня отстранили от работы, велел отойти в сторону и не путаться под ногами. Вовремя: как только окружающие меня предметы перестали выписывать окружности и восьмерки, я увидел нечто необычное.

На бетонную площадку, почему-то снабженную небольшой круглой дырой посередине, мягко опускалось нечто громоздкое, в первом приближении цилиндрическое, но вообще-то на нем хватало всяких выростов. Коснулось бетона и замерло. Если это была кабина пресловутого космического лифта, то в нее при желании можно было впихнуть слона-акселерата.

Хотя нет, слон пролез бы в дверцу только по частям. Или это овальное отверстие следовало именовать не дверцей, а люком?..

– Тебе в туалет не надо? – спросил Стерляжий, направляясь мимо меня к люку с коробкой на плече.

– Пока не очень.

– Лучше сходи авансом – в лифтовой кабине удобств нет. Сортир вон там.

Я последовал его совету. Никто и не подумал сопровождать меня. А если?..

Шахта не годилась для побега, но где-нибудь неподалеку наверняка был другой выход на поверхность. Еще в изоляторе я тщательнейшим образом ощупал швы своего комбинезона – нет, кажется, туда не вшили никакого «жучка»-маячка... Помимо туннеля в зал вело несколько тесных коридоров. Юркнуть наугад и поискать выход... Есть шанс.

Пусть территория мусоросжигающего завода мне незнакома, размышлял я, плясая на кафель над писсуаром. Ну и что? Мне всего-то надо добежать до ограды и перемахнуть через нее, а там – ищи меня с собаками. В крайнем случае, если не удастся уйти сразу, можно затаиться на территории, на худой конец зарыться в гору мусора или шлака – да мало ли что можно придумать! Удрать можно. А на тот случай, если Стерляжий не соврал и у них действительно есть прикрытие, первым делом надо кинуться не в объятия родной милиции и не в ФСБ, а в редакцию любой массовой газеты. Убьют меня после этого или нет – не знаю, но хоть насолю им от души...

Убежден: если бы я тогда не врезал Стерляжему по физиономии и если бы он не признал мое законное право врезать – я бы так и сделал.

Собственно говоря, я и сейчас испытывал жгучее искушение удрать, останавливало меня только соображение: а не пожалею ли я впоследствии? Космический лифт, оборудованный на окраине Москвы, орбитальная станция... Мое желание стать космонавтом иссякло без остатка, когда мне было лет девять, – но только потому, что я уже в том возрасте понимал, насколько малы мои шансы. Пройти все отборы (допустим, я прошел бы их), провести бо€льшую и лучшую часть жизни в бесконечных тренировках – и в конце концов никуда не полететь, подобно большинству кандидатов? Увольте, я пас.

Человек отказался играть в лотерею, а к нему на улице пристают с криком: «Возьмите свой счастливый билет! Да берите же, он ваш, он выиграл, не будьте идиотом!». Почему же я не рад? Только потому, что счастливый билет мне всучили принудительно? Глупо же...

А главное – мне верили. Мне уже доверяли. Пусть чуть-чуть. Скажите по совести – вы бы удрали на моем месте?

Я остался.

В кабине не оказалось иллюминаторов. Я не видел, какой высоты (или глубины, если смотреть сверху) была шахта, не видел и того, под что она была замаскирована. Наверняка под что-нибудь технологическое, скажем, под башню-градирню. Почему бы нет? Городской мусор, конечно, не антрацит, но и он при сгорании должен выделять немало тепла – почему бы не пристроить к заводу маленькую теплостанцию? Вполне рациональный, хозяйский подход.

Не видел я и панорамы ночного города, раскинувшегося под нами, и жалел об этом. Если бы не ускорение, такое, какое бывает в скоростных лифтах, можно было подумать, что кабина никуда не движется. Разница заключалась в том, что ускорение не собиралось пропадать и, кажется, понемногу росло. Очень хорошо, что для пассажиров конструкторы кабины предусмотрели сиденья – стоять было бы тяжеловато.

И еще я никогда не ездил в лифтах, кабины которых гудят и вибрируют от напора воздуха.

Потом у меня заложило уши.

– Сбрасываем излишек давления, – обернулся ко мне Стерляжий. – На «Гриффе» оно меньше земного. Глотай почаще.

Расположенных кольцом сидений – надо сказать, очень невзыскательных – я насчитал десять штук, но летели мы втроем, если не считать коробок, уложенных в центре кабины чуть ли не до потолка и крепко стянутых ремнями. Третьим пассажиром был незнакомый типчик лет тридцати пяти, он зевал и явно намеревался вздремнуть, как только давление воздуха придет в норму. Больше никого.

– Лифтера здесь нет, как я понимаю? – полуспросил я Стерляжего.

Тот отрицательно мотнул головой.

– А где трос? – Насколько я помнил, космический лифт должен был карабкаться по тросу, сработанному из чего-то сверхпрочного и, главное, сверхлегкого. И уж само собой разумеется, трос этот должен, во-первых, начинаться на экваторе, а во-вторых, находиться в районе, запретном для полетов летательных аппаратов всех типов – разрезанный пополам самолет не срастется вновь и не регенерирует, как дождевой червяк. Пусть над Москвой летают редко, но все же летают. А спутникам и вовсе закон не писан, шляются где хотят.

– Кларка начитался? – ухмыльнулся Стерляжий. – Мономолекулярные нити из углерода и все такое? Ну-ну. Да еще астероид в качестве противовеса.

– А что вместо нитей? – сейчас же спросил я.

– А тебе не все равно? Ну хорошо, вместо нитей энергошнур. Устраивает это тебя? Понятнее стало? Главное, не бойсь, он не оборвется. – Тут Стерляжий почему-то поморщился. – Подвеска надежная, а с кабиной все может быть. И бывало...

Наверное, с этим у него были связаны не очень приятные воспоминания. Поэтому я на время заткнулся и молчал минут пять.

Потом не выдержал и спросил:

– Как действует этот энергошнур?

– Тащит нас куда надо, вот и все.

– Я не то хотел сказать... На каком принципе он работает?

– А я знаю? – пожал плечами Стерляжий. – Если бы мы его сами придумали и воплотили, я бы, конечно, знал хотя бы основы. Но видишь ли в чем дело: его разработали не мы. – Он вздохнул и добавил: – Не люди, я хочу сказать.

Я успел оценить совет посетить туалет – подъем продолжался три часа с хвостиком. За первый час я измучил Стерляжего вопросами, после чего он раздраженно заметил, что у него в отличие от некоторых во рту обыкновенный язык, а не помело, и предложил мне заткнуться. Мне пришлось смириться, хотя вопросов осталось еще предостаточно. Если космический лифт, подвешенный к непонятному энергошнуру, изобрели не люди, – то кто? Зеленые человечки? По словам Стерляжего выходило, что на лифт наткнулись случайно. Когда, где? Кто это засекретил, если не спецслужбы, и почему тогда Корпорация в достаточной степени самостоятельна, если верить Стерляжему? Кстати, надо ли ему верить?

Ой, не знаю.

Но подземный завод – реален, а меня тащит в космос кабина лифта. Это факт. Я не страдаю галлюцинациями, не поддаюсь гипнозу, не принимал наркотиков и вообще психически здоров, а значит, должен считать свои ощущения плодом реальности, а не воображения.

Легко ли это?

Крота выкопали из норы, раскрутили в праче и отправили немного полетать. Вероятно, он выживет, если не шмякнется о камень, но сумеет ли он понять, что с ним происходит? А если бы крот обладал человеческим сознанием – смог бы он, попав в чуждую среду, избавиться от ощущения нереальности или пришел бы к выводу, что переел пестицидов? Пожалуй, второе предположение показалось бы ему более логичным...

Стерляжий дремал, посвистывая носом, а я пытался разложить услышанное по полочкам. Вероятно, с тем же успехом, что и упомянутый крот.

Энергошнур не ионизирует молекулы воздуха, его нельзя обнаружить ни глазом, ни радаром – это раз. Кабина лифта покрыта чем-то таким, из-за чего на экранах локаторов тоже невидима, – это два. Сквозь атмосферу она проходит с относительно малой скоростью, благодаря чему поглощающее покрытие не сгорает, – это три. Энергошнуром можно управлять как с орбиты, так и с Земли, а когда он не тянет кабину, его вообще выключают, – это четыре. Кабина имеет энергоприемники в носовой и хвостовой частях – или, если угодно, над потолком и под полом. Это пять. С Земли осуществляется лишь грубая наводка на орбитальную станцию, затем управление перехватывает «Гриффин», или «Гриф», а земной луч выключается. Благодаря этому снижается риск уничтожить случайный летательный аппарат или шальную птицу – энергопоток шнура просто бешеный. «Это горят птицы», – вспомнил я фразу из «Гиперболоида», сказанную не то Вольфом, не то Хлыновым, и поежился.

Вот и ответ. Над Москвой мало летают. В городе нет ночных птиц – ни совы, ни козодои в Москве не водятся, а вороны и голуби в ночное время предпочитают дрыхнуть по веткам и чердакам. На окраинах ночная подсветка не такая яркая, как в центре, – лишняя гарантия от случайной демаскировки. Отсюда необходимость туннеля. Военных можно не ставить в известность – все равно никто ничего не заметит. В худшем случае локатор зафиксирует неясный сигнал вроде пресловутых «ангелов», что имеют обыкновение возникать на границе потоков воздуха. Обычное дело, дежурный и не почешется. И кому придет в голову искать сверхсекретный подземный завод не в глубине сибирских руд, не в толще горных хребтов внутри обширной охраняемой зоны, а в центре мегаполиса?

Утечка информации? «Что знают двое, то знает свинья», – это мы слышали. Или, например, какому-нибудь на редкость везучему диггеру удастся что-либо подсмотреть и убраться живым – что тогда? А ничего. Да, абсолютно ничего... Допустим, какая-нибудь бульварная газетенка решится дать сенсационный материал – кто ей поверит, кроме нескольких слабоумных обывателей, от которых ровным счетом ничего не зависит? Можно не сомневаться: тут же будет организован поток репортажей о подземных страстях-мордастях – гигантские крысы, люди-мутанты, многоножки-людоеды, комары-спидоносцы и тому подобное. Более чем достаточно, чтобы замылить любой внимательный глаз.

Через две недели любой читатель будет ржать и всхрюкивать, когда ему расскажут еще что-нибудь животрепещущее «из-под земли».

Некоторое время я с болезненным любопытством пытался вычислить в уме, какова будет скорость кабины при входе в атмосферу, если энергошнур внезапно оборвется, то есть отключится, на половине дистанции. Я не мастер устного счета, поэтому добился только усиления головной боли, а числа получались одно несуразнее другого. Затем я сообразил, что искомая величина никак не может превышать одиннадцати километров в секунду, и немного успокоился. Возможно, нам удастся не сгореть в атмосфере, а просто разбиться – стенки кабины вроде толстые, сразу не расплавятся. Все-таки легче.

А может, предусмотрен аварийный парашют?

Как же, жди. При их режиме секретности что упало, то пропало, и им еще придется сделать так, чтобы пропало для всех и навсегда. Тут не парашют подошел бы, а хороший заряд пластита – разнести кабину на мелкие фрагменты еще до входа в плотные слои...

Перегрузка постепенно уменьшалась. По-видимому, энергошнур тянул нас с постоянным ускорением около одного «же», а вот земная гравитация слабела по мере удаления от планеты.

Стерляжий дремал. Третий пассажир спал и даже похрапывал. Не то они мне доверяли, не то считали, что я не настолько глуп, чтобы для забавы отыскать и понажимать какие-нибудь кнопочки, а скорее всего, изнутри попросту нельзя было ни повредить кабину, ни управлять ею.

Когда резко грянул зуммер, третий пассажир зевнул и потянулся. Стерляжий потер глаза и пихнул меня в бок:

– Не тошнит?

– Вроде нет пока, – ответил я. – Голова болит только.

– Наплюй на свою голову. Сейчас будет невесомость, секунд двадцать, не больше. Летать не советую, лучше держись вот за эти ручки. Если затошнит, постарайся продержаться до появления тяжести. Пакеты в ящике у тебя над головой.

Пакет мне и вправду понадобился, но не от невесомости как таковой, а от того, что кабина вдруг начала стремительно заваливаться набок. Но двадцать секунд я все же вытерпел, хотя под конец мне казалось, что содержимое желудка вот-вот брызнет из ушей.

– Брось пакет вон туда, – отодвинувшись от меня, произнес Стерляжий и указал на то, что я решил именовать урной. – У тебя что, плохой вестибулярный аппарат?

– Был хороший, пока меня не огрели по затылку, – вымучил я, борясь с икотой. – А что случилось?

Он пожал плечами:

– Перевернулись и приняли энергошнур с «Грифа» кормовым приемником, вот и все. Нас начинают тормозить. Или ты любитель прогулок по потолку?

Я отрицательно замотал головой. Не знаю, любимец ли я техники, как считают Стерляжий и Эвелина Гавриловна, но я точно не муха и не летучая мышь.

– Кстати, что мы везем в коробках? – спросил я. – Не секрет?

– Какой там секрет. Еда это. Космические рационы. Мы покупаем у Роскосмоса те, у которых кончается срок годности. Не бойсь, отравлений пока не было. Есть хочешь? Можно вскрыть.

Какое там есть! Я что было сил замотал головой. При одной мысли о еде мне едва не сделалось дурно по второму разу. К тому времени, когда я пришел в себя, Стерляжий снова заснул.

Я отметил, что мой вес уменьшился – теперь Земля «тянула» вверх, хотя кабина «падала» вниз. Мне стало скучно. Надо мной висел шар Земли, а я не имел никакой возможности его увидеть. Ну какого черта конструкторы кабины не вмонтировали в эту жестянку пару иллюминаторов или не приспособили к наружной обшивке телекамеру? Все-таки веселее было бы ехать.

Именно ехать – в лифтах ездят, а не летают.

Меня вдруг разобрал дикий смех. Сначала я изо всех сил пытался удержать его внутри, но мои клапаны вырвало с корнем, и я затрясся, как эпилептик.

– Ты чего? – спросил Стерляжий.

– Мыс Кеннеди... – выдавил я и снова зашелся в хохоте. – Байконур... Этот французский космодром, как его... Куру...

– Ну и что?

– Ракеты... – через силу вымучил я. – До сих пор... ракеты в космос запускают...

– А, вот оно что, – с облегчением сказал Стерляжий. – Ты предупреждай. Я уже подумал, что ты припадочный. Да, запускают. И будут запускать. И проектировать новые носители тоже будут. Но это их дело, а не наше.

Я подвыл, не в силах больше хохотать. Мир перевернулся. Пирамида Хеопса сделалась круглой и укатилась в пустыню, бренча, как погремушка, запрятанным внутри саркофагом. Статуя Свободы наклонилась и подожгла Атлантический океан. В Сибири оттаял мамонт и забодал нефтяную вышку. А я еду в космос в кабине лифта.

Моя истерика стихла не раньше, чем выжала меня досуха. Третий пассажир давно храпел, уронив голову на грудь. Если бы он пристегнулся ремнем, ему не пришлось бы просыпаться на время наступления невесомости. Никаких ремней, однако, не было. И сиденья – жесткие, как на вокзале в зале ожидания. Поездка без плацкарты... Такое впечатление, что конструкторы больше заботились о надежности, чем об удобствах или, скажем, о дизайне. Главное – доехать, здравый (хотя и раздражающий) советский подход... А впрочем, почему непременно советский? Во всем мире клетки для спуска шахтеров в шахту не отличаются ни комфортом, ни изяществом. Не слишком ли многого я требую от клетки?

Все равно душа моя протестовала, и я непременно выцарапал бы на стенке кабины что-нибудь обидное, если бы только нашел подходящий острый предмет. Ничего такого, однако, не нашлось.

В конце концов и я задремал, а проснулся, когда мы уже состыковались со станцией и люк был открыт. Снова невесомость, но уже без мучительных тошнотных позывов.

– К грузу не суйся, – сказал мне Стерляжий, – без тебя справятся. Ты еще не адаптировался. Держись за скобы и плыви за мной. Первую заповедь космонавта знаешь?

– Регулярно продувать скафандр сжатым вакуумом? – через силу ухмыльнулся я.

– Нет, это сто первая. Первая вот: хранить в тайне, что Земля плоская и не вертится. Поплыли.

И мы поплыли.

Глава 5

Так получилось, что станцию «Гриффин» я увидел изнутри намного раньше, чем снаружи. Собственно говоря, увидеть ее извне не так-то просто, если погашены габаритные огни, а они погашены почти всегда. От поглощающего покрытия практически ничего не отражается. В лучшем случае увидишь черный провал в россыпи звезд – впечатление так себе, на троечку. Но тогда я этого не знал и жалел об упущенной возможности.

А изнутри... Словом, примерно так я и представлял себе орбитальную станцию. Невпроворот аппаратуры и совсем немного места для людей. Узкие проходы, где двоим только-только разойтись, то есть разлететься. (Я называю их проходами только потому, что более уместное слово «пролеты» занято в русском языке другими значениями.) Были и узкие лазы, живо напominившие мне мою подземную одиссею по неизведанным норам.

Вслед за Стерляжим я вплыл в тесную каморку с лежанками на потолке.

– Устраивайся, отдыхай, – сказал он мне. – Лучше всего поспи, тебе полезно. Если захочешь есть, плыви направо по главному коридору. Если наоборот – налево, там санузел. Располагайся. Только на панелях ничего не трогай.

Этого он мог бы и не говорить. Я ему что – рукосуй какой, чтобы тыкать в то, чего пока не знаю? Кому как, а мне жить пока не надоело.

Я примерился и взмыл к лежанкам. Промахнулся, конечно, ну да опыт дело наживное. Между прочим, что им стоило исключить невесомость, заставив станцию вращаться? Станция велика – путь от лифтового шлюза до «спальни» я оценил метров в пятьдесят, – так что скорость вращения могла бы быть не слишком большой. Хотя очень возможно, что вращение мешает станции принимать грузы и на время работы лифта его останавливают...

– А что, силы тяжести здесь никогда не бывает? – спросил я Стерляжего.

– Так обходимся, – отрезал он и выплыл вон. А я остался.

Лежанки были снабжены ремнями. Я выбрал крайнюю правую, пристегнулся и принялся приходить в себя. В смысле, привыкать к невесомости. Удивляться я давно перестал. Ну космический лифт, что с того? Как говорится, все, что человек способен выдумать, когда-нибудь будет реализовано на практике. Ну никому не известная орбитальная станция – тоже мне нонсенс. Имея космический лифт, можно сбавать и не такое – совсем не трудно поднимать на орбиту модуль за модулем и состыковывать их в любой конфигурации. Иной вопрос – как, не вызвав подозрений, изготовить сами модули? Допустим, можно заказать там и сям разработку и изготовление отдельных частей, придумав убедительную легенду, а сборку осуществлять в подземных цехах...

Да, но деньги? Кто все это затеял – олигарх какой-нибудь с вывихнутыми мозгами? Быть не может, причем по нескольким причинам сразу. Откуда тогда Корпорация черпает такие средства? И на что тратит – ведь выход в космос, наверное, не самоцель? Стерляжий намекал насчет курицы, несущей золотые яйца. Алмазный рудник они нашли на Луне, что ли? А до Луны, выходит, добрались автостопом, проголосовав попутку?

Очень остроумно. Хотя чего и ждать от сотрясенных моих мозгов...

Я не заметил, как снова задремал, а проснулся от того, что что-то несильно толкнуло меня в лицо. Это оказалась кукла. Большая детская кукла с пышной нейлоновой прической, одетая в вязаные штанишки и кофточку, парила в невесомости, медленно вращаясь. Похоже, ее занесло сюда сквозняком. Из детской, так надо понимать. Честное слово, меня ничуть не удивили бы детские голоса. Может, у них тут и детсад есть, а может, и зоопарк. Надо будет напроситься на экскурсию – никогда не видел летающего крокодила.

Кукла медленно отплыла к переборке, ударилась о нее и вернулась. Я поймал ее за скаल्प и пристегнул ремнем к соседней лежанке. Спи, дура пластиковая.

В каморку вплыла девушка.

– Эй, сюда Аграфена не залетала?

Тут она заметила куклу, а заодно и меня.

– Привет. Слезай с этого места, оно мое.

– А какое свободно?

– Крайнее с другой стороны.

– Может, поменяемся? – предложил я, ужаснувшись при мысли о том, что сейчас придется отстегиваться и снова летать по воздуху.

– Еще чего. Давай выметайся. Я ведь и помочь могу.

В этом я не сомневался и притом трезво оценивал свои шансы. В нынешнем моем состоянии я справился бы, пожалуй, только с куклой Аграфеной. Да и не драться же с девушкой.

Не удержавшись от тяжелого вздоха, я отстегнулся – и меня тотчас кинуло девушке в объятия. Честное слово, я не хотел. Лежанка сама спружинила.

– Давай-давай! – Девушка оттолкнула меня не просто так, а прицельно, и я поплыл к указанной ею койке. – Сумеешь сам пристегнуться?

– Как-нибудь, – буркнул я, сообразив две вещи: во-первых, она сразу догадалась, что я впервые в невесомости, а во-вторых, не вкладывала ничего обидного в слово «помочь». Нет уж, обойдусь своими силами, как их ни мало. Мобилизую внутренние резервы организма.

Мобилизовав их, я пристегнулся. Меня сразу перестало мутить. Кажется, адаптация проходила успешно, с чем я себя и поздравил. Я даже проявил некоторый интерес к девушке, рассмотрев ее более подробно.

По-видимому, чуть ниже меня, то есть для женщины высокая. С заметными формами, но далеко не пышка. Должна быть стройной, если при наличии силы тяжести не имеет привычки сутулиться. Развитые скулы и узкий подбородок, из-за чего лицо кажется треугольным. Пепельная шатенка. Цвет коротко обрезанных волос, кажется, натуральный. Уважаю. Как правило, женщины обожают всевозможные малярные работы по своей поверхности, зато искренне возмущаются недорослями, разрисовывающими заборы. А велика ли разница?

С другой стороны, женщины украшают жизнь. (Правда, как правило, свою и, как правило, не мною, но я на них за это не в обиде.) «Без женщин жить нельзя на свете, нет...» Глупости. Жить можно. Но одичаем.

– Это ты играешь в куклы? – спросил я.

– Нет, это Аграфена в меня играет. Заплывет куда-нибудь, а мне искать. Все-таки развлечение в свободные часы. Каждый по-своему с ума сходит.

– Точно, – согласился я. – Скучно тут?

– По-всякому бывает. Но в основном нет. А ты, значит, и есть тот самый электронный гений?

– Я не электронный, я живой, – сердито возразил я. – То есть пока еще живой. Если меня и дальше будут перетряхивать с места на место, я ни за что не ручаюсь. А что значит «тот самый»?

– Ну тот, который починит нам лифт до Луны.

Я поперхнулся.

– До чего?

– Ты что, с Луны свалился? – Она вдруг прыснула, уловив каламбур. – Нет, если бы свалился, ты бы о лифте знал. Новичок, что ли? Из группы Стерляжего?

– Вроде да.

– То есть сам еще не знаешь? погоди, а как это может быть? Ты давно в Корпорации?

– С сегодняшнего дня.

– Ну? – Глаза ее расширились. – Так ты, значит, не тот? Жаль. Обещали нам тут одного специ-феномена. Мол, только дотронется до сломанной аппаратуры, и она вновь работает. Мол,

в его присутствии никогда ничего не ломается. По-моему, все это вранье, не может быть таких людей, да еще с именем каким-то идиотским... Тебя как звать?

– Святополк. Для друзей просто Свят.

Глаза у девушки расширились еще больше.

– О! Так это ты и есть. Не врешь, нет? А почему тогда с сегодняшнего дня? Нам о тебе уже недели три в уши жужжат – такой, мол, и растакой чудо-юдо-спец...

– погоди, погоди... – пробормотал я. – Какие еще три недели? Ты серьезно?

– Ну, может, чуть поменьше, но не очень. Нам тебя обещали еще до того, как лифт сломался.

– Ты уверена, что меня?

– А то кого же? Святополки не кишмя кишат. Чего рот разинул? Бывает, привыкай. К некоторым людям Корпорация долго присматривается, потом еще дольше подбирает ключи, а результат все равно один. Ты сильно не переживай, я ведь тоже уникам, и меня в свое время тоже еще как окучивали. Если человек нам подходит, он будет наш, и точка.

– А если он не захочет? – спросил я недоверчиво.

– Захочет. Тем, кто может не захотеть, знать о Корпорации совсем не обязательно. Случаются, конечно, и сбои, как без них обойтись, но редко. Так что будь уверен, твое появление на «Гриффе» было предсказано заранее. Обидно?

– Пожалуй, – пробормотал я. – Унизительно как-то. Марионетка я им, что ли?

Она фыркнула – кажется, моя реакция ее забавляла.

– Тебе предложили то, чего ты сам хотел, возможно, неосознанно. Ты еще о свободе воли поговори. Отказаться ты в принципе мог – но зачем? Когда это голодный отказывался от хлеба?

– Ну если удар по голове – хлеб... Да еще угроза амнезией...

– Лучше, значит, помнить свой гордый отказ и всю жизнь жалеть об упущенных возможностях? Упиваться жалостью к себе, любимому? Ты мазохист?

– Я садист-расчленитель.

– А я реинкарнация Салтычихи. Сработаем на пару? Я буду приманивать жертвы, ты их хватай и обездвигивай, а Аграфена постоит на шухере. Идет?

Тут уже фыркнул я. И сейчас же в горловину люка просунулась голова Стерляжего, нимало не похожая на стерляжью голову. Скорее уж на кабанью.

– Надюша, привет. Что, в курс новенького вводишь? Умничка. Давай в том же духе, а мне, прости, некогда... Свят, ты, когда освоишься, заходи в центральный модуль, лады? – И исчез.

– Значит, Надя, – сказал я после паузы. Нахлынувшая было злость понемногу улетучивалась. – Будем считать, что очень приятно. А ты по какой части уникам?

– По коммуникационной. Вообще-то я оператор, но еще и внештатный психолог, потому что штатного на «Гриффе» нет. Просто-напросто замечено, что рядом со мной люди успокаиваются. Ты еще не почувствовал?

– Нет, – соврал я.

– Значит, почувствуешь. Понимаешь, специального образования у меня нет, да оно и не нужно, по-моему. Неужели я стану лучше понимать людей, если вызубрю наизусть всю эту терминологию, сублимации там разные... Практическая психология вообще искусство, а не наука, а теоретическая уж не знаю, кому и нужна. Диссертации защищать разве. Это вроде педагогики – слово есть, а науки за ним нет, одно шаманство. Помогает, если шаман хороший. Только на шамана не выучишься, им родиться надо. Вот я такой и родилась.

Все это она произнесла без малейшей рисовки, отбив у меня охоту вставить просящуюся на язык ядовитую реплику. Ну уникам и уникам, что с того? Бывает. Перестань глазеть и закрой рот.

– Угу, – сказал я. – А Стервяжий по какой части уникам?

– Стерляжий, – поправила она. – Ты так не шути. Он по стеноломной части. Не в буквальном, понятно, смысле. Нет, серьезно: он такой таран, что прошибет что угодно, если это вообще можно прошибить. И если его направить. Кумулятивный мужик, лавина. Хотя администратор он никакой, тут за него заместители отдуваются. Но если проблема может быть решена «в лоб», лучше Стерляжего никого не найти.

Хм. Насчет «в лоб» я мог бы поспорить. Мою проблему он решил в затылок. Свинцовым кулачищем.

Впрочем, что теперь об этом говорить.

– Ну ладно, – сказал я. – Вводи в курс новичка. Рассказывай.

– О «Гриффе»?

– Нет, сначала о Корпорации.

...Он был один – человек, который нашел артефакт. Имя его осталось неизвестным. Трудно идентифицировать человека по скелету, после того как над ним потрудились песцы и птицы. «Черный» старатель без лицензии – вот и все, что о нем можно сказать наверняка. В якутской лесотундре он, видимо, искал мамонтову кость, вытаскивающую из мерзлоты по речным обрывам, но не брезговал и золотишком. Среди немногих его вещей, уцелевших после набега росомых на рюкзак со съестными припасами, нашлись несколько крупинок золота в жестяной коробочке из-под монпансье, ржавый лоток для промывки шлихов, ружье да один небольшой бивень среднего качества.

Больше ничего, если не считать несущественных мелочей. Вероятно, он приплыл в лодке, но ее затерло ближайшим ледоходом. Удивительно, что нашли его самого.

Жизнь бродяги-одиночки на Севере стоит немного, но мало кому приходилось расставаться с нею так, как этому бедолаге старателю. Его череп был уполовинен, рассечен неизвестным орудием надвое от левого виска к правой скуле. Верхней половинки так и не нашли.

Зато геологи, наткнувшиеся на скелет, нашли кое-что другое, и это другое вмиг отхватило одному из них фалангу указательного пальца, чуть только он собрался прикоснуться к артефакту. Реконструкция событий не была особенно головоломной и выявила следующее: 1). Возраст артефакта заключен в пределах от пятнадцати до сорока тысяч лет; 2). Кем и с какой целью он был оставлен – неизвестно; 3). Земное происхождение артефакта практически исключается; 4). Артефакт представляет собой комплекс устройств неизвестного назначения, одно из них, работающее на неизвестном принципе, способно испускать высокоэнергетический луч неизвестной природы; 5). Вероятно, неизвестный старатель случайно обнаружил артефакт, вытащивший из мерзлоты, и столь же случайно привел его в действие, причем голова несчастного находилась на линии луча, в результате чего смерть последовала мгновенно; 6). Все 8—10 месяцев, прошедших с момента первичной активации до момента повторного обнаружения, указанный элемент артефакта оставался в активированном состоянии, источник его энергии не иссяк, и можно считать удачей то, что пострадавший геолог сунул под луч палец, а не голову.

Фольклор якутов не сохранил никаких указаний на аномальность места находки, что и не удивительно: пятнадцать (ладно уж, пусть пятнадцать, а не сорок) тысячелетий назад на Земле еще не существовало древних египтян, не то что якутов. Жили, наверное, в тех краях какие-нибудь охотники на мамонтов, но не якуты, точно. Пока живы предания, жив и народ, а если преданий не сохранилось, значит, этнос исчез, и теперь даже мифы не скажут нам, как выглядели те пришельцы, сколько времени слонялись по Земле, что искали, как ладили с аборигенами и куда в конце концов девались. А главное – кому и зачем оставили свою технику. Троглодитам? Зачем? Шинковать лучом мамонтов?

Разумеется, возникла версия о том, что высокоразумные гости со звезд похоронили свой дар в мерзлоте, надеясь, что к тому времени, когда она растает, люди обретут хотя бы начатки цивилизованности. Одна из контрверсий резонно указывала на то, что оттаявшая

тундра мигом превращается в болото, где щедрый «дар» и утоп бы навеки, так что речь идет скорее не о подарке, а об опасном мусоре, надежно похоронить который – благое дело. С этой точкой зрения спорили другие версии, но воз и ныне был там.

Случись подобная находка в тридцатых – семидесятых годах прошлого века, вся история, пожалуй, пошла бы иным путем. Но артефакт был найден в начале девяностых, когда всякому российскому сверчку до смерти надоело знать свой шесток и каждый был себе на уме. Сдавать находку ненавидимому государству никто, разумеется, не подумал. С какой стати? Поскольку артефакт был найден на земной поверхности и, следовательно, формально не попал под закон о недрах, юридически его присвоение было чем-то сродни традиционным народным промыслам наподобие сбора грибов и ягод. Геологи с чистой душой присвоили найденное. А дальше началось самое необычное.

Вместо того чтобы продать находку тем, кто ею заинтересуется, концессионеры попытались извлечь бо́льшую выгоду из самостоятельной эксплуатации находки. Пресловутый «луч», или, вернее, энергошнур, включался и выключался поразительно просто – путем прикосновения к блестящей пластине на поверхности прибора. Поскольку доморощенные опыты с неодушевленными предметами и домашними животными ничего не дали – прибор отзывался только на прикосновение человека, – гипотеза о подарке продвинутых отсталым получила мощный толчок.

Оружие? Орудие труда? Прошло немало времени, прежде чем стало окончательно ясно: транспортное средство. Артефакт содержал два генератора и два энергоприемника. С блоками более тонкого управления, нежели простое включение-выключение, пришлось повозиться на профессиональном инженерном уровне – по-видимому, они предназначались для существ, чья анатомия значительно отличалась от человеческой.

Небывалое могущество в руках – и на первый взгляд абсолютно никакой возможности применить его на практике. В начале двадцатого века еще был возможен инженер Гарин – в конце того же столетия коллеги Шельги не позволили бы ему особенно разгуляться. Нью-Гарин исчез бы бесследно, не успев натворить никаких дел, – в лучшем случае и при абсолютной лояльности он провел бы остаток жизни на закрытой территории под неусыпным наблюдением. А гиперболоид, разумеется, достался бы республике.

Зачем? Вновь перекорезить мировой баланс сил, вернуть России былое могущество, не затратив особых усилий? По щучьему, так сказать, велению? Если бы так. Но даже в этом счастливом и, по правде говоря, маловероятном случае рано или поздно пришлось бы расплачиваться за комплекс Емели. И, кстати, поделом.

С этим утверждением я намеревался поспорить, но Надя с отнюдь не приличествующей психологу прямоотой заявила мне, что лучше бы я помолчал, раз ничего не смыслю. И мне осталось только слушать да завидовать тем двум геологам, что нашли пресловутый артефакт, отдав за обладание им всего-навсего полпальца на двоих. Тьфу, дешевка! Да я бы руку за него отдал! Или ногу. Уж я бы знал, как распорядиться находкой...

Они поступили умнее. Два геолога основали небольшое частное предприятие, какое-то там ТОО из тех, что плодились, как сыроежки после дождя. Происхождение начального капитала было Наде неизвестным, да и неинтересным. Вряд ли этот капитал был очень большим. Представляю, как хохотали чиновники, прочитав в графе о роде деятельности малого предприятия слова «космические изыскания». Поди попробуй изыщи там хоть что-нибудь, не владея миллиардами. У государства нет монополии на космос – лети куда хочешь и изыскивай в свое удовольствие. Если сумеешь.

Они сумели, и не только благодаря космическому лифту на шнур-генераторе. Дело в том, что артефакт содержал еще кое-что...

Ну нельзя было монтировать Кошачий Лаз на Земле! Неужели непонятно почему?

Кошачий Лаз – те же Врата для связи с иными мирами, многократно обсосанные в фантастических фильмах. Только Врата – это всегда что-то торжественное и уж во всяком случае большое, если не гомерическое. Кошачий Лаз – кольцо диаметром чуть больше полуметра, но функции у него те же. Толстяку в него просто не пролезть; так и застрянет – верхняя половина неведомо в какой галактике, а нижняя останется на пересадочной станции Луна Крайняя, что скрыта в кольцевом валу кратера Дженнер посередине моря Южного. Поначалу Кошачий Лаз держали на вечно достраиваемой квазистационарной орбитальной невидимке «Гриффин», но потом решили, что береженого бог бережет. Правильно, в общем, решили.

«Гриф» КВАЗИ стационарен не потому, что когда-нибудь свалится на Землю, подобно горемыке «Миру», а потому, что его орбита имеет большой наклон к плоскости экватора. Зачем толкаться там, где висят или медленно дрейфуют более тысячи спутников связи, живых и дохлых? Безопаснее пересекать их кольцо дважды в сутки. Фактически станция висит над одной географической долготой, но с размахом «гуляет» по широте и может принять лифтовую кабину как из Архангельска, так и из Кейптауна. Хотя в Кейптауне, сами понимаете, стартовой площадки нет.

– А сколько их всего, стартовых площадок? – спросил я.

Надя пожала плечами.

– Четыре, если где-нибудь новую не оборудовали. В общем-то, и четырех много. Так, держим запас на всякий случай.

Я хмыкнул.

– А сколько, говоришь, было найдено шнур-генераторов в той якутской тундре?

– Два шнур-генератора и два шнур-приемника. Что тебе непонятно? Они ведь размножаются. Разве я тебе еще не сказала?

В ответ я только замычал – или застонал, если угодно. Сотрясенные мозги или нет – все равно такую прорву невероятной информации они вместить не могут и не желают. Сопротивляются. Насилюемый здравый смысл вопиет и протестует.

Да только насильникам от его воплей ни горячо, ни холодно.

Запаздывание сигнала почти не ощущалось; в самом деле, тридцать шесть тысяч километров – разве это расстояние? Туда и обратно – чуть больше двух десятых секунды.

– Мама, это ты? Ты слышишь меня? Да, это я. Со мной все в порядке, ты не волнуйся. Вот, удалось позвонить, а вообще-то со связью тут не очень... И со свободным временем тоже. Включаем. Что?.. Ты говори громче, тут плохо слышно. Надолго ли? Точно не знаю, но, кажется, еще немного задержусь. Неделю, наверное, или две. Да... Нет... Да что ты, никакой радиации, никакой химии. Чистое место, так что за меня не переживай. Да, все путем. Ты деньги получила? Что? На дом принесли? Вот и хорошо. А как ты? Лекарства вовремя принимаешь? Угу. Ну все, я побежал, ребята ждут... Да, я тебя тоже целую. Пока!

Я дал отбой и вернул трубку Стерляжему. Обыкновенную телефонную трубку. На витом шнуре.

– Спасибо.

– Не за что. Я же обещал. Ты здесь скоро управишься?

– Вон тот блок, – я ткнул пальцем, – надо менять. С остальными, наверное, закончу сегодня.

– А что тот блок? Ты же уникам, попробуй.

– Дохлый номер. Медицина не пользуется покойников.

– Вот всегда так, – сказал Стерляжий и присовокупил короткое ругательство. – Как чего сгорит, так на «Гриф» именно этой ерунды нет в запасе. Гоняй, значит, опять лифт туда-сюда...

Махнув рукой, он покинул аппаратный модуль. Я не возражал: чем меньше народу толчется вокруг, тем быстрее идет работа. В идеале лучше всего быть одному. Попал бы Робинзон на свой остров в большой компании – построил бы он, пожалуй, дом и лодку, как же! Попытался бы раз, другой, а потом плюнул бы и дремал под бананом.

Работы на «Грифе» оказалось непочатый край. Два бортинженера только и делали, что исправляли поломки аппаратуры, а если случайно оказывалось, что ремонтировать нечего, удивлению их не было предела. Нечего и говорить, что они с великим удовольствием спихнули на меня воз своих недоделок, чуть только убедились, что я не полный олух и вникаю быстро. Втроем пошло веселее. Троекратно, а кое-где и пятикратно дублированные основные системы – это понятно, так и должно быть. Но если, понадеявшись на дублирование, забыть об уходе за техникой, можно сразу заказывать себе венок с трогательной надписью на ленточке. Очень скоро он пригодится.

Не припомню такого фантастического романа, чтобы звездолет или, там, планетолет издыхал в нем от естественных неисправностей, а не от оплевания какой-нибудь смертоносной дрянью из носовой гаубицы случившегося поблизости неприятельского линкора или, на худой конец, от столкновения с банальным метеоритом. Интересно, почему сгоревшая микросхема – серийная, морально устаревшая, цена ей пятак – кажется фантастам еще банальнее? Она-то почему не годится в виновницы вымышленной катастрофы? Потому что всегда готова сыграть роль виновницы катастрофы реальной?

Наверное.

«Гибрид высокой технологии и викторианского стиля» – так, кажется, обозвал наши космические изделия некий француз еще лет двадцать назад. С тех пор, на радость тому лягушатнику, ничего не изменилось. На Западе всюю используют углепластик и чуть ли не картон – у нас дюраль, титан и бериллий, причем о технологичности никто не думает – изделия-то мелкосерийные, а то и вовсе единичные. Попадают удивительные каракатицы, напоминающие то ли хитрую головоломку, то ли настольный макет химического комбината. Разница состоит в том, что после окончания расчетного срока службы ИХ изделия обычно уже ни на что не годны и стремительно выходят из строя, а у наших и так бывает, и этак. Какой-нибудь зонд, рассчитанный на три часа работы в атмосфере иной планеты, может функционировать сутками, дежурные операторы валяются с ног, поскольку о смене никто не позаботился, а паршивая железяка шлет и шлет данные, зараза!

Бывает и наоборот.

Управление, связь, телеметрия, жизнеобеспечение – и так далее, и тому подобное, всего и не перечислить. До космического лифта меня пока не допускали, но и без него работы у меня хватало. Какой я им, к лешему, уникам и любимец техники! Кто это придумал с большой головы? Любитель я, а не любимец. Скажем, бытовой компьютер завис ни с того ни с сего – так что же, он завис от антипатии к пользователю? А если он работает, не зависая, значит, пользователь ему нравится?

Ага, как же. Может, еще святой водой на системный блок побрызгать? Если не так-то просто найти естественную причину отказа, это еще не значит, что ее нет вовсе. Все остальное – идолопоклонство и происходит от лени ума.

Это значит, что лень ума руководителей Корпорации оставила меня в живых? Гм... А хоть бы и так, я на них за это не в обиде!

На самом деле всякая тварь нуждается в ласке, и техника тоже. Иной раз стукнуть кулаком куда надо – это и есть ласка. Люби технику, как живое существо, не срывай на ней злость, и она не подведет. Вот и весь секрет. Какой тут нужен особый талант – не понимаю.

Удивительно только, что два бортинженера, оба помешанные на своей специальности (на «Грифе» иных не держат), вдвоем управлялись медленнее меня одного, и уже на второй день оба меня зауважали. Быть может, ухаживать, любя, и просто ухаживать – это разные вещи?

Не знаю, не знаю. Наверное, об этом следовало бы поговорить с прикованными к постели больными, они такие вещи тонко чувствуют. Я – нет.

Бывают, конечно, и фатальные случаи, вот как с этим блоком. Техника тоже смертна. Ей даже хуже, чем людям: она не умеет ремонтировать себя, треснувшая печатная плата не зарастет, как сломанная кость, а сгоревшая микросхема не будет автоматически заменена новой, как отмершая клетка эпителия.

Дело двигалось, как оно и должно двигаться у всякого, у кого руки не кривые от рождения и к шее приделана голова, а не нашлапка с ушами. Я посвистывал и не ощущал ни малейшей усталости. Мигрень давно сошла на нет, приступы головокружения больше не повторялись, и к невесомости я притерпелся. Надоедало то и дело гоняться за разлетающимся инструментом, зато инструментарий у них был классный, ничего не скажешь.

«У них»? Или все-таки уже «у нас»? Я не смог определить точно и выбросил ненужную задачу из головы. Тоже мне, витязь на распутье. Поживем еще, а там будет видно...

Стерляжий вплыл в отсек, как всегда, неожиданно. Его сопровождал хмурый бортижер.

– Заканчивай, пошли.

– Куда еще? – Не терплю, когда меня дергают туда-сюда, как марионетку. – Мне тут еще дел часа на три...

– Вот он за тебя закончит, – кивнул Стерляжий в сторону бортижера, по всему видно, очень недовольного таким решением. – Двигай за мной, дело не терпит.

Какое такое у него дело? Честно говоря, единственным местом, куда я сейчас слетал бы с охотой, был камбуз. Поесть – дело десятое, я не был очень уж голоден, но сегодня по камбузу дежурила Надя, и с ней я поболтал бы с удовольствием. Просто так, ни о чем. Например, подколот бы ее в очередной раз насчет ее вечной возни с нелепой куклой Аграфеной (которая наверняка обретается там же, где ее хозяйка) и, надо думать, нарвался бы на встречную подколку. Люблю такие разговоры. Да и сама Надя очень даже ничего, поглядеть на нее приятно...

Естественно, Стерляжий повел меня не на камбуз. Я и не надеялся. Да и о чем мне говорить с Надей при Стерляжем? О непонятных капризах в работе термостата?

«Гриф» был всегда повернут к Земле одной стороной, и я, хоть Земли не видел, прекрасно понимал, где «верх», а где «низ». Стерляжий ловко и экономно пробирался «наверх». Я запыхался, поспевая за ним и совершая массу ненужных телодвижений. По словам Нади, настоящая сноровка в невесомости возникает у человека не ранее чем через две-три недели. То-то и оно, что недели, а не дня.

Очень скоро пошли отсеки, где я еще не бывал. Большинство модулей имело стандартные размеры, и я, помнится, еще в первый день моего пребывания на «Гриф» прикидывал, как их доставляли на орбиту – лифтом на внешней подвеске, потому что внутрь кабины такой модуль ну никак не влезет, – или присобачив приемник энергошнура к самому модулю? Оказалось, что и так, и этак.

Одно радовало: модули были состыкованы компактно, и станция не уподоблялась растянутой в пространстве гирлянде сосисок. Пусть конфигурация на первый взгляд выглядела несуразно, на уровне футуристического бреда начала прошлого века – все равно лучше так, чем прямые стометровки. И как графья ухитрялись жить и не тужить в анфиладах? Противно же! И сквозняки.

Оп! А ведь в этом помещении я, кажется, уже бывал... Хотя нет, оно все-таки другое. Хотя и однотипное.

Внешний шлюз.

А вот и знакомый цилиндр кабины лифта. Висит в захватах.

В шлюзе, повернутом в сторону от Земли.

Значит, лунный?

Конечно. Тот самый, о котором говорила Надя. Вышедший из строя. И похоже, мне придется его ремонтировать.

Хотел бы я знать – как?

Как чинить то, что работает неизвестно на каком принципе, неизвестно из чего собрано и к тому же собрано не людьми? Да, может, оно вообще никем не собрано, а само выросло? Найди в джунглях дикаря каменного века, дай ему чинить телевизор, если ты совсем сошел с ума... Починит? Скорее, огреет каменным топором, ну, в лучшем случае, покамляет над ним немного, наевшись древесных поганок, в бубен постучит, попытается вызвать духов, ответственных за непонятный колдовской ящик...

Быть может, телевизор от удивления и заработает. Всякие бывают чудеса.

Вот Стерляжий, уверившийся в том, что с техникой я лажу, и вызвал меня – камлать. Как самого продвинутого колдуна в дикарском племени.

Но дикарь с кольцом в носу все-таки человек. Ему наша техника куда ближе, чем человеку – нечеловеческое.

Кстати, где оно?

И тут я ЕГО увидел. Сам. Прежде чем Стерляжий ткнул пальцем под полированный раструб энергоприемника кабины, похожий на ракетную дюзу, мой взгляд уже был там. Где же еще и помещаться генератору энергошнура, как не на дне шахты? А вот и ограничители-упоры – грубые, мощные гидравлические цилиндры, способные, видимо, в случае аварии погасить инерцию кабины и не дать ей растереть генератор по металлу...

Вот именно – растереть, а не сокрушить с хрустом, как любую земную железяку. Потому что ЭТО не было механизмом в человеческом понимании. Пожалуй, ОНО было живым.

Полуметровый буро-коричневый шар. Видимо, твердый, но... Так мог бы выглядеть броненосец или панголин, свернувшийся в клубок. Под твердой броней – мягкая, живая плоть.

Наивно и жалко смотрелись присоски; провода от них свивались в два пучка. Один уходил куда-то под стенную панель, другой заканчивался неким блоком в стандартном корпусе измерительного прибора. Я мельком взглянул на расположение клавиш и индикаторов – ну ясно, скороспелая самоделка, ни эргономики, ни дизайна. По всему было видно, что передо мной резервный блок управления. Наверное, бывают ситуации, когда приемом кабины приходится управлять прямо отсюда, из шлюзовой, облачившись в скафандр...

Чего и ожидать от станции, собранной абы как.

– Надеюсь, ты сможешь что-нибудь сделать. – В голосе Стерляжего прозвучало сомнение. – Я пришлю кого-нибудь с технической документацией...

– На это есть техническая документация? – поразился я, кивнув на шар.

– Не мели чепухи. – Стерляжий фыркнул. – Только на блок управления, конечно. Да смотри поаккуратней тут...

Я уже не слушал его. Заклинившись кое-как между двумя гидроцилиндрами, я протянул руку и коснулся шара, ничуть не удивившись тому, что его поверхность оказалась приятно теплой. Шар... Шарик... Хороший песик, хороший... Хотя нет, ты, пожалуй, не пес. У тебя есть совсем не собачье чувство достоинства, и, будь у тебя хвост, ты ни перед кем не стал бы им вилять. Ты свернувшийся в клубок большой пушистый кот... котик... котище... Барсик ты, или Васька, и гладить тебя одно удовольствие. А тебе – нравится?..

– Что ты его щупаешь? – недовольно начал Стерляжий. – Он не...

– Молчи! – резко оборвал я его. Так надо было сделать. Но кто бы мне объяснил – почему?

Не объяснишь. Это либо понимают без слов, либо не понимают вообще, и не нужно рассказывать слепому о живописи. Лучше побережь слова.

Ну и посочувствовать слепому, разумеется. Только молча.

Жизнь – ее я почувствовал, как слабый удар тока, и улыбнулся, поняв, что не ошибся. Шар был живым, притворяясь мертвым. Но разве черепаха, втянувшаяся в панцирь до отказа, обязательно мертва?

Ошибся я в другом – в скороспелой аналогии с дикарем и телевизором. Но это было не страшно.

Совсем наоборот.

И какая мне разница, как возникла эта жизнь – самостоятельно или же была кем-то создана, из белков она или из фабричных деталей, – жизнь есть жизнь. Напрасно многие думают, что к ней нужны иные подходы, чем к технике, – подход к сложным системам всегда один и тот же. Не делай им зла, помогай по мере сил или хотя бы сочувствуй, если не в силах помочь. Они это оценят и отплатят добром. Ну не все, конечно. За акул и крокодилов не поручусь, за комаров и гельминтов тоже, но ведь отморозков везде хватает. Впрочем, я не зоолог, мне нет нужды общаться с кусачими.

И еще я почувствовал другое. Что-то мешало мне настроиться на одну волну с живым генератором. Что-то небольшое, но настойчивое эгоистично требовало внимания к себе и только к себе. Я не сразу понял, что это такое, а когда понял, с облегчением отнял руку от коричневого шара.

Нет, не Барсик. Мурка. И не одна.

– Ну? – жадно выдохнул Стерляжий. – Что?

– С ним все в порядке, – сказал я. – С блоком управления, думаю, тоже. Просто... их двое. Там детеныш. Они рожают или почкуются?

– Уверен? – выдохнул Стерляжий.

– Конечно. Только не зови меня принимать роды – не умею. Поглазеть приду, конечно. А чинить тут ничего не надо.

– Ч-черт! – процедил Стерляжий. – А я-то думал... Вот сволочь, теперь эта бодяга на несколько недель...

Шар конвульсивно дернулся. И сразу успокоился, чуть только я вновь прикоснулся к нему.

– Не обзывай его чертом и сволочью. Он любит вежливых.

Стерляжего передернуло.

– Я и не обзывал. Ситуация сволочная, а не он. Теперь придется переориентировать второй генератор на Луну. С Землей связи не будет – Луна Крайняя сейчас важнее.

– А в чем дело? – полюбопытствовал я.

– В чем, в чем... Воды у них нет, вот в чем! Ты воду на Луне никогда не добывал? И не пробуй. Все с Земли и притом через «Гриффин»! Говорил же я: прямой лифт нужен, прямой! И Луну Крайнюю надо было строить не на краю диска, чтобы не зависеть от либрации. Зар-разы, перестраховщики! Им проще людей угробить!

– Совсем нет воды? – тихо спросил я.

– Есть замкнутая система очистки, – нехотя признал Стерляжий, – хиленькая, на четверых. На дежурную смену. – Он вдруг выкатил глаза и закричал так, что шар живого генератора под моей рукой вздрогнул и попытался болезненно сжаться: – А на Луне Крайней застряло семнадцать человек!..

Глава 6

Коричневый шар начал почковаться спустя сутки; специально установленные камеры позволяли отслеживать процесс дистанционно. В шлюзовую никто не входил: по словам Стерляжего, присутствие человека могло только помешать. Что ж, ему было виднее. Даже мне категорически запретили находиться рядом, хоть я и протестовал. Но от экрана не гнали.

Наверное, можно было перенести в верхнюю шлюзовую исправно действующий шнур-генератор из нижней шлюзовой, а почкующееся инопланетное отродье отправить размножаться в любое свободное помещение, но вместо этого лунный лифт принимали в нижний шлюз, «завалив» станцию едва ли не вверх тормашками. Кажется, все они, включая Стерляжего, опасались лишний раз прикоснуться к генератору, демонстрируя боязливое почтение. Отчасти я их понимал: где концентрация энергии не лезет ни в какие ворота, там жди сюрпризов. Залей станцию под завязку нитроглицерином и шарахни по обшивке кувалдой – думаю, генератор сумел бы рвануть сильнее. Атмосферу с Земли, конечно, не сдует – но разве нам с того легче?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.